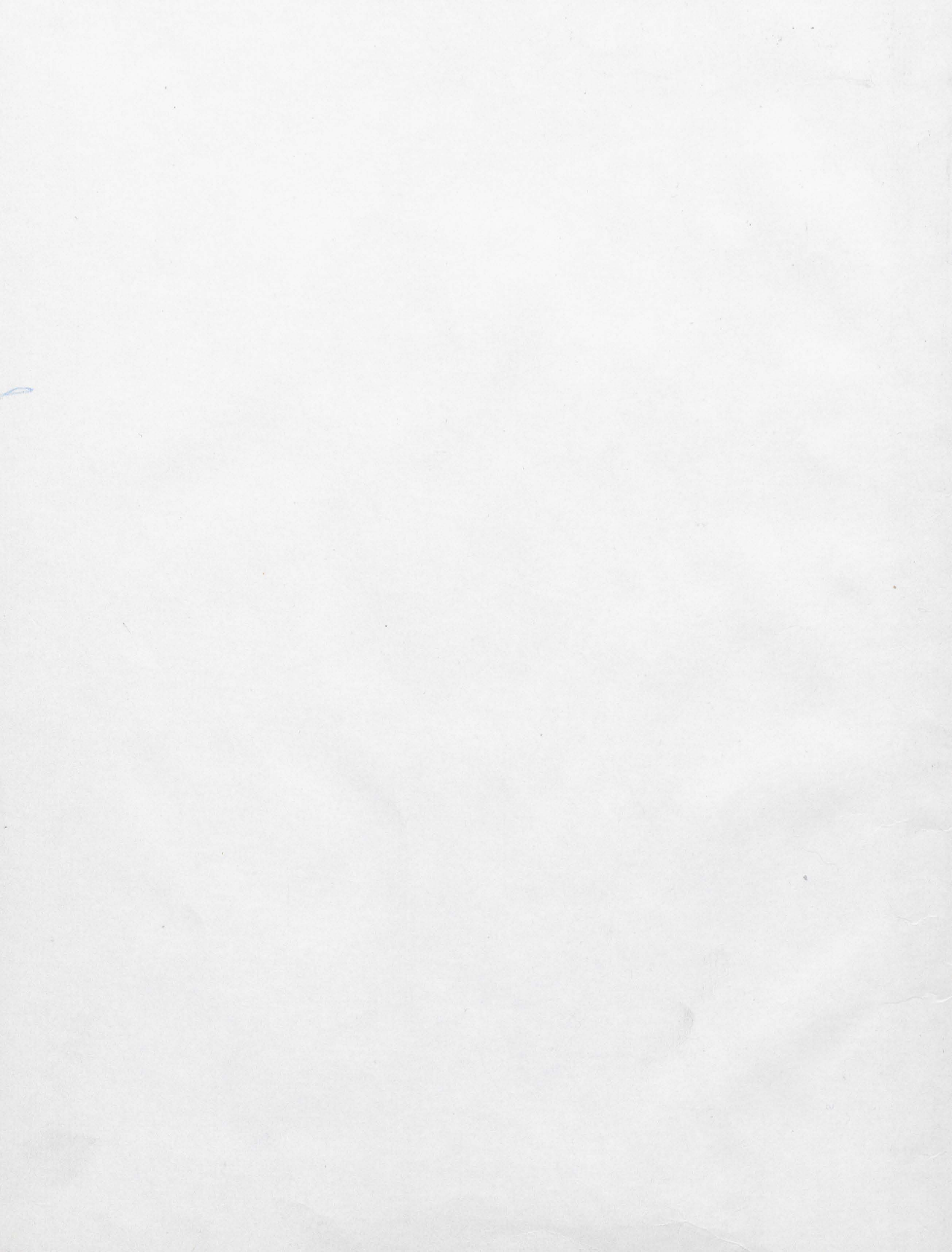

НЕ КОПИРОВАТЬ





Вл. А. Капустинъ.

ЛЕОНОВО

ПОДМОСКОВНОЕ ПОМѢСТЬЕ

БОЯРИНА КНЯЗЯ ИВАНА НИКИТИЧА

ХОВАНСКАГО.

ЛЕОНОВО

ПОДМОСКОВНОЕ ПОМѢСТЬЕ

боярина князя Ивана Никитича

ХОВАНСКАГО.

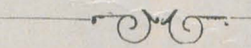
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

изъ жизни служилаго человѣка XVII столѣтія

съ 12 фототипіями.

СОБРАЛЪ и ИЗДАЛЪ

Вл. А. Капустинъ.



МОСКВА—1908.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. 5.

Памяти

Арсенія Михайловича и Ольги Александровны Капустиныхъ.

Museum Demidoff T. II. Pl. I.

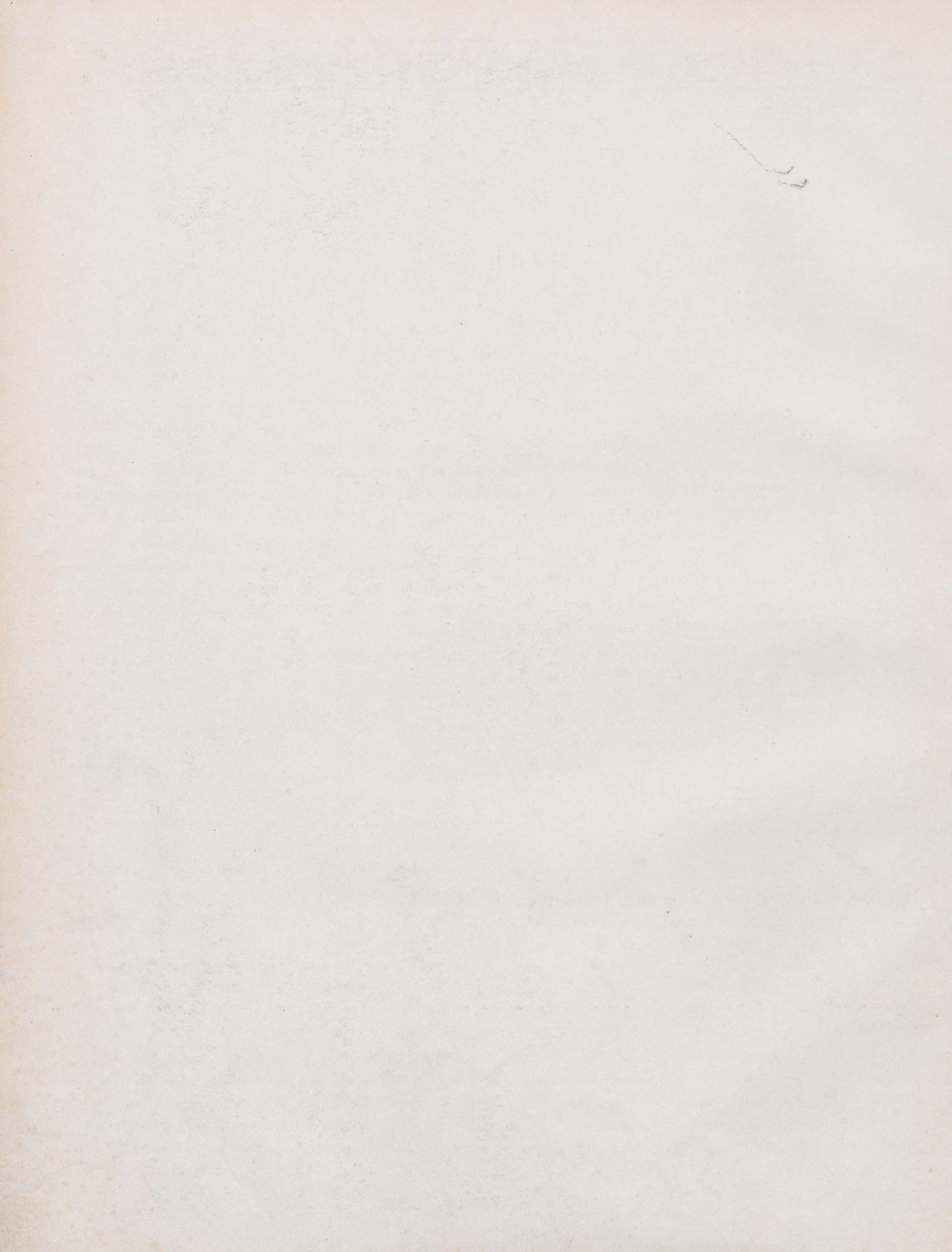
Levonovo Campagne de son Excellence Paul de Demidoff

Фотот. П. Павлова.

Леоново 1806 г.

(Съ старинной гравюры изъ книги G. Fischer).

1





Леоново.

Село Леоново находится за Крестовской заставой, въ одной верстѣ, въ сторону, отъ сельца Ростокина, расположеннаго по Троицкой дорогѣ.

Въ XVI и XVII столѣтіи Леоново числилось въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монатьиномъ-Быковѣ-Коровинѣ стану, а Леоновская церковь — въ Радонежской десятинѣ.

Какъ само Леоново, когда-то помѣстье князя Ивана Никитича Хованскаго, такъ и всѣ соприкасающіяся съ нимъ селенія: Свиблово, памятникъ знаменитому роду Свибловыхъ; Медвѣдково, старинная родовая вотчина князя Пожарскаго, спасителя Россіи; Ростокино, когда-то входившее въ составъ многочисленныхъ вотчинъ Троице-Сергіева монастыря, и Покровское, Ерденево тожъ, въ древности самостоятельное село, впослѣдствіи поглощенное Останкинымъ, — всѣ они расположены на прихотливыхъ извивахъ знаменитой рѣки Яузы, при каждомъ поворотѣ своемъ, между гористымъ берегомъ и луговой долиной, являющей красивые и живописные виды.

Пустошь Левонова впервые упоминается въ писцовыхъ книгахъ въ 1573 — 4 и 1586—8 гг.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія (1571) набѣжалъ на Москву крымскій ханъ Девлетъ Гирей, сжегъ столичный городъ и его окрестности, побилъ и полонилъ до двухсотъ тысячъ жителей и, быстро отступивъ, оставилъ послѣ себя печальную картину запустѣнія [1]).

Всѣ подмосковныя села и деревни были выжжены, большинство крестьянъ разбѣжалось по городамъ и по лѣсамъ, служилые люди побросали свои опустѣвшія помѣстья, и вмѣсто культурныхъ пахотныхъ участковъ, образовались повсюду пустоши, зароставшія молодымъ лѣсомъ.

Нѣкоторое представленіе подмосковнаго запустѣнія даетъ намъ древнѣйшая, писцовая книга-Молчанова, являющаяся памятникомъ хозяйственныхъ описаній имѣній временъ Іоанна Грознаго (1573—4).

„Въ Монатьиномъ стану Ѳедоровское помѣстье Ѳедоровича Карпова, что осталось порожнее за раздачею у дѣтей боярскихъ... пустошь Окишево... пустошь Реново (не Ерденево ли?)... пустошь Лѣново (очевидно, Левоново), что была деревня, пашни 20 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ (т.-е. 30 десятинъ), сѣна 25 копенъ (около $2\frac{1}{2}$ д.), лѣсу пашеннаго 4 дес... пустошь Бакшеево .. [2]).

Начавшееся около этого времени колонизаціонное бѣгство крестьянъ изъ центра государства на его южныя окраины, было настоящимъ бѣдствіемъ для подмосковной мѣстности, которая не можетъ оправиться отъ татарскаго нашествія и до 1586—8 гг., когда въ новой писцовой книгѣ Хлопова представлено то же запустѣніе, тѣ же незаселившіяся пустоши Карпова.

„Окишево, Ренево, Болшево, Левоново, что была деревня... и иные (пустоши), а имянъ ихъ снискать некимъ .., въ которыхъ пашня поросла въ колъ и жердь“ [3]).

Экономическія потрясенія конца шестнадцатаго столѣтія, завершившіяся закрѣпощеніемъ крестьянъ — въ интересахъ служилаго класса (1593), истощили Московское государство и подготовили политическую смуту начала семнадцатаго столѣтія, выразившуюся въ

Московскомъ разореніи, когда оправлявшаяся было подмосковная мѣстность вновь опустошается поляками и казаками. [4]).

„Воры-казаки собрався многими людми пришли подъ Москву въ село Ростокино (д. 1612) [5])... А жители изъ разныхъ городѣхъ били челомъ, что казаки ихъ помѣстья и вотчины разорили... И велѣно было промышлять надъ казаками ратнымъ обычаемъ...

Казаки убѣжали, а ихъ приволокли къ Москвѣ 3256 человѣкъ“.

Лишь по окончательномъ уходѣ королевича Владислава изъ-подъ Москвы (1618), подмосковная мѣстность начинаетъ оправляться.

Служилые люди получаютъ вновь изъ приказа Большого Дворца крупные земельные участки, заросшую пашню которыхъ они энергично расчищаютъ съ помощью крестьянъ, уже вытерпѣвшихъ невзгоды смутнаго времени, а потому равнодушнѣе относившихся къ своему новому крѣпостному положенію.

Въ 7131/2 году (1623—4) при новой описи земель, предпринятой правительствомъ для выясненія экономическаго состоянія потрясенной смутой страны, писецъ Лаврентій Александровичъ Кологривовъ мѣрилъ пашню и обходилъ границы громадной подмосковной вотчины стольника Льва Плещеева — села Свиблова, и при этомъ онъ два раза подходилъ къ дворцовой пустоши Левоновой, ожидавшей и себѣ, послѣ полувѣкового сиротства и запустѣнія, лучшей участи [6]).

Пустошь Левонова пожалована въ 1626 году князю Ивану Никитичу Хованскому „въ помѣстье“.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія на Руси еще дѣйствовала помѣстная система, какъ необходимое средство для поддержанія войска, собиравшагося временно, при приближеніи непріятеля.

Она состояла въ томъ, что каждый служилый человѣкъ получалъ отъ государства извѣстное количество земли „въ помѣстье“, т.-е. въ пожизненное владѣніе, безъ права продажи и заклада, а взамѣнъ этого обязанъ былъ,

по первому зову, явиться въ походъ съ конемъ и доспѣхами.

Люди родовитые, близкіе ко двору, за службу, получали крупные участки, какъ „въ помѣстье“, такъ и „въ вотчину“, послѣдній видъ владѣнія означалъ полное, почти неограниченное распоряженіе землей.

Крупные помѣщики и вотчинники обязаны были, кромѣ личнаго участія въ походахъ, выставлять вооруженныхъ за ихъ счетъ людей, соотвѣтственно имущественному положенію каждаго [7]).

Князь Иванъ Ивановичъ Хованскій (сынъ перваго владѣльца Леонова), у котораго въ вотчинкахъ и помѣстьицахъ числилось 406 дворовъ, обязался быть „въ походѣ (1663) съ 3 лошадьми; самъ на 4-ой, людей пѣшихъ 11 человѣкъ, конныхъ, на службѣ государя, 6 человѣкъ“ [8]).

Стольникъ Михаилъ Львовичъ Плещеевъ, (одинъ изъ владѣльцевъ Свиблова), состояніе котораго опредѣлялось въ 764 двора крѣпостныхъ крестьянъ, обязался явиться „въ походъ (1681) на аргамакѣ, въ бронѣ и въ саадакѣ, съ пятью лошадьми простыми и выставить 25 человѣкъ съ боемъ“ [9]).

Послѣ смутнаго времени запасъ казенныхъ, такъ-называемыхъ дворцовыхъ земель, предназначавшихся на содержаніе двора государя, необыкновенно возросъ; правительство широко раздавало эти запустѣвшія и не приносившія дохода дворцовыя земли — въ помѣстье и въ вотчину, вплоть до 1627 года, когда послѣдовалъ указъ о прекращеніи таковой раздачи [10]).

Около этого времени, а можетъ-быть и въ предвидѣніи запретительнаго указа, близкому ко двору царя Михаила, стольнику кн. Ивану Никитичу Хованскому, дано въ помѣстье двѣ дворцовыя пустоши на обоихъ берегахъ Яузы.

Подъячій Михаилъ Толпыгинъ, посланный изъ приказа Большого Дворца, осматривалъ и записалъ 3 декабря 135 (а. 1626): „въ двухъ пустошахъ—Левоновой да Коровьей—пашни перелогомъ (запущенной) и лѣсомъ поросло середніе и худые земли 60 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ (90 дес.), сѣна 45 копенъ ($4^1/_2$ дес.), лѣсу, болота 2 десятины“ [11]).



Фотот. П. Павлова.

Кн. Алексѣй Хованскій.

(Изъ книги Galeazzo изд. 1670 г. Снимокъ съ гравюры, наход. въ архивѣ Мин. иностр. дѣлъ).

17 декабря (а) 1626 года дана была и ввозная грамота царя Михаила на новое помѣстье кн. Хованскаго, третьяго, извѣстнаго намъ, владѣльца Леонова, если считать вторымъ — Өедора Өедоровича Карпова, повидимому дьяка или одного изъ приказныхъ дѣльцовъ [12]), а первымъ — какого-нибудь Левона, перваго заселителя мѣста, отъ котораго и произошло названіе.

Помѣстье Левоново находилось въ самой ближайшей мѣстности къ столицѣ, между вотчинами первыхъ вельможъ государства: почти соприкасалось съ нимъ село Копытово (Алексѣевское) боярина кн. Дмитрія Тимофеевича Трубецкого, село Осташково (Останкино) боярина кн. Ивана Борисовича Черкасскаго и село Медвѣдево (Медвѣдково) боярина кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Изъ этого можно заключить о близости новаго Левоновскаго помѣщика къ царю; хотя при пожалованіи могло выразиться и вліяніе кн. Пожарскаго, желавшаго имѣть своимъ сосѣдомъ, своего родного племянника - кн. — Хованскаго.

Служебное положеніе князя Ивана Никитича Хованскаго.

1625—1658.

Знатное происхожденіе кн. Хованскаго отъ литовскаго великаго князя Гедимина, считавшагося потомкомъ Владимира святого; цѣлый рядъ близкихъ родственниковъ по отцу его Никитѣ Андреевичѣ, достигшихъ боярскаго сана; близкое родство съ знаменитымъ кн. Пожарскимъ, родная сестра котораго, Дарья Михайловна, была его матерью; наконецъ, женитьба на княжнѣ Марьѣ, дочери боярина Михаила Михаиловича Салтыкова, двоюроднаго брата царя Михаила,—все это, при наличности извѣстныхъ способностей, давало возможность кн. Хованскому занимать при дворѣ и въ походахъ почетное и важное положеніе, сначала въ чинѣ стольника и воеводы, а затѣмъ боярина, - какъ бы въ награду за успѣшное исполненіе порученій царя въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, за то, что „отъ государя въ посылкахъ былъ, польскихъ и литовскихъ людей и черкесъ и воровъ казаковъ побивалъ и языки поималъ“ [13]).

Начиная съ (д.) 1625 года, въ теченіи двадцати лѣтъ, мы встрѣчаемъ его во дворцѣ, съ честью исполняющаго свои церемонимейстерскія обязанности: на торжественныхъ обѣдахъ онъ смотритъ за порядкомъ въ „большой столъ“, (то-есть столъ, гдѣ сидѣлъ самъ царь), вызывая зависть въ другихъ стольникахъ, поставленныхъ около „кривого стола“.

Кромѣ того, онъ получаетъ важныя назначенія главнаго воеводы въ Большой полкъ, на тогдашніе украинные города, въ ожиданіи прихода крымскихъ и ногайскихъ людей. (Въ Тулу а. 1628, 1635, д. 1637, Боровскъ а. 1634, Одоевъ д. 1640).

При одной такой посылкѣ (10 марта д. 1637) другой воевода, кн. Вас. Григ. Ромодановскій, назначенный вторымъ, считаясь заслугами своего рода не захотѣлъ подчиняться кн. Ивану. Но государь сказалъ, что „быть ему мочно, иначе идти въ тюрьму“.

Эта мѣстническая попытка обезчестить Хованскихъ не прошла незамѣченною.

Кн. Дм. Мих. Пожарскій, замѣтивъ на одномъ обѣдѣ въ присутствіи государя, (28 іюля д. 1637), что кн. Григ. Андр. Хованскій [14]) смотритъ въ большой столъ, а сынъ его, кн. Петръ Дм. Пожарскій, въ кривой, всталъ съ мѣста и мягко жаловался, что онъ боится какъ бы его сыну „порухи“ не было въ томъ, что онъ ниже Хованскаго, вѣдь еще недавно Ромодановскій не хотѣлъ быть ниже кн. Ивана. Царь Михаилъ, вмѣсто всякаго отвѣта, велѣлъ почтенному человѣку сѣсть на мѣсто.

По этой же причинѣ (5 мая д. 1638) Бутурлинъ, когда узналъ, что кн. Ивану приказано стоять за большимъ столомъ, а ему за кривымъ, не захотѣлъ быть ниже его, убѣжалъ и прятался.

Перемѣна новаго царствованія почти всегда сопровождалась разгромомъ старыхъ придворныхъ лицъ. Такъ было и при воцареніи шестнадцатилѣтняго царя Алексѣя (12 іюля д. 1645).

Въ іюлѣ (д) кн. Иванъ былъ посланъ въ числѣ другихъ стольниковъ приводить ко кресту, на вѣрность новому царю, жителей Вязьмы. А уже 19 августа, на другой день кончины царицы

Евдокіи Лукьяновны, можетъ-быть за одно неосторожное слово вблизи молодого царя, переживавшаго вторую потерю въ теченіи одного мѣсяца, онъ неожиданно подвергся опалѣ, былъ разжалованъ изъ стольниковъ въ московскіе дворяне и сосланъ въ Сибирь [15]).

Лишь 1 апрѣля (д) 1649 года, въ день именинъ молодой царицы Маріи Ильиничны, онъ появляется вновь въ Золотой палатѣ дворца, когда царь Алексѣй спѣшитъ загладить нанесенную ему обиду, жалуя изъ дворянъ прямо въ бояре.

Съ этихъ поръ бояринъ кн. Иванъ Никитичъ Хованскій уже не смотритъ только за порядкомъ на дворцовыхъ обѣдахъ, какъ бывало ранѣе до опалы, не наряжаетъ винъ, не сидитъ на погребѣ, а самъ всегда вблизи царя, занимаетъ почетное мѣсто. Сопровождаетъ его, когда онъ идетъ „по своему царскому обѣщанію молиться къ Троицѣ, къ Саввѣ или на праздникъ въ Новодѣвичій монастырь". Вѣдаетъ Москву въ отсутствіи царя (д).

Когда по новгородскимъ вѣстямъ дошло до Москвы, что Новгородцы „заворовали" (д. 1650), царь указалъ боярину кн. Ивану Никитичу идти туда усмирять бунтовщиковъ, поднявшихъ гиль противъ царскихъ воеводъ; тамъ онъ выказалъ замѣчательную сдержанность и тактичность, способствуя мирному успокоенію края.

Самъ Никонъ, тогда еще митрополитъ новгородскій, въ отвѣтъ на недовольство придворныхъ, желавшихъ быстрыми и рѣшительными мѣрами искоренить крамолу, въ своемъ письмѣ къ царю, такъ охарактеризовалъ дѣйствія кн. Хованскаго: „прислана твоя государева грамота..., а въ ней написано, что бояринъ твой дѣломъ промышляетъ мѣшкотно...; но вскорѣ было такого великаго дѣла сыскать нельзя; а здѣсь государь приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина: работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобы не ожесточить, а что промедлилъ, въ томъ порухи нѣтъ" [16]).

Когда Псковичи повинились (авг. 1650), государь посылалъ къ боярину съ своимъ милостивымъ словомъ. По возвращеніи же въ Москву (д. 1 окт.) его жаловали шубой бархатной золотной, кубкомъ, да придачей къ окладу жалованья.

Въ 1652 году на долю боярина выпалъ трудный подвигъ—совершить путешествіе въ Соловецкій монастырь, во время котораго онъ чуть было не погибъ: 20 Марта указано идти за мощами Филиппа митрополита ему и Никону, митрополиту новгородскому, во главѣ многочисленной свиты изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Первая попытка переѣхать Бѣлое море окончилась неудачно. Поднявшейся бурей часть лодокъ разбило, при чемъ погибло 69 человѣкъ, часть выбросило на берегъ.

„А меня холопа твоего Ивашку ладью выкинуло на устье Николы чудотворца корельскаго монастыря, а ладью разбило"... писалъ онъ царю.

Трудность путешествія увеличивалась суровостью Никона, требовавшаго отъ свиты строгаго соблюденія поста и ежедневнаго присутствованія при чтеніи келейнаго правила.

Даже самъ царь въ секретномъ письмѣ къ Никону просилъ объ снисхожденіи:

„Князь Иванъ Хованскій пишетъ въ своихъ грамоткахъ, будто онъ пропалъ..., будто ты заставляешь его ежедневно у правила быть;... молю тебя Владыко святой пожалуй, не заставляй... Да Василій Отяевъ пишетъ, что лучше бы ему въ Сибири пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть,—силою заставляетъ говѣть, но никого не заставитъ силою Богу вѣровать".

Молодой царь Алексѣй (21 года) съ видимымъ сочувствіемъ повторяетъ слова Василія Отяева о свободѣ совѣсти, но въ офиціальномъ письмѣ Никону поддерживаетъ его: „...и тебѣ бы богомольцу нашему всѣхъ заставлять говѣть,..., а тебѣ бы боярину нашему ихъ (всю свиту) отъ всякого дурну удерживать" [16]).

Мощи несли отъ Ярославля по Троицкой дорогѣ. Въ Ростокинѣ не могли внести ихъ въ церковь, вслѣдствіе узкости церковныхъ дверей, пришлось оставить ихъ на ночь въ шатрѣ. На другой день (9 іюля д) царь встрѣчалъ ихъ съ крестнымъ ходомъ на полѣ, за мѣщанской слободкой, у дворцоваго села Напруднаго. (Въ



память этой встрѣчи поставлена была тамъ каменная часовня (1680), называемая Крестовской: на 1-ой Мѣщанской, первая налѣво отъ Сухаревой башни ([17]).

Кн. Хованскій, измученный дорогой, повидимому свернулъ изъ Ростокина въ свое помѣстье Левоново и не присутствовалъ на торжествахъ. Лишь 28 іюля (д), на праздникѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, государь благодарилъ его за службу и пожаловалъ кубокъ, золотной атласъ и 40 соболей.

Черезъ годъ (16 іюля д. 1653) въ Успенскомъ соборѣ „праздновали Филиппу митрополиту", а затѣмъ у патріарха Никона былъ столъ. Государь велѣлъ быть за столомъ и кн. Хованскому, желая оживить бесѣду воспоминаніями о прошлогоднемъ путешествіи двухъ главныхъ участниковъ.

Во время польской войны кн. Иванъ принималъ дѣятельное участіе. Когда по взятіи Смоленска государь пошелъ далѣе на недруга своего Яна Казимира (24 мая д. 1655), онъ оставилъ въ Смоленскѣ боярина и воеводу кн. Ив. Ник. Хованскаго.

О пребываніи его въ этомъ городѣ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по его столкновенію съ Михаиломъ Львовичемъ Плещеевымъ (владѣльцемъ Свиблова, сосѣдомъ по Леонову), при отпускѣ хлѣбныхъ запасовъ, вслѣдъ за войскомъ, направившемсявъ Польшу.

Плещеевъ, оправдываясь въ своей неакуратности по доставкѣ провіанта, обвинялъ кн. Хованскаго, что онъ ему не давалъ плотовъ. По разслѣдованіи оказалось, что въ Смоленскѣ плотовъ совсѣмъ не было и давать было нечего. Кромѣ того кн. Хованскій велѣлъ Плещееву перемѣнить дѣтей боярскихъ, а тотъ изъ упрямства этого не сдѣлалъ. За эти вины Плещеевъ былъ разжалованъ въ дворяне.

Что же касается до встрѣчнаго обвиненія Плещеева со стороны кн. Хованскаго въ томъ, что тотъ велѣлъ разнымъ лицамъ прикладывать руки къ порозжимъ столпцамъ, (то-есть подписывать пустые бланки для какихъ-либо неблаговидныхъ цѣлей), а также, что тотъ безчестилъ кн. Хованскаго въ письмахъ, все это осталось недоказаннымъ, и Плещееву велѣно доправить свое безчестье на кн. Хованскомъ (29 декабря 1655 г.) [18]).

Судя по справкѣ всѣхъ имѣній, помѣстій — въ помѣстье, а вотчинъ — въ вотчину, за княгиней Маріей Михайловной Хованской въ (а) 1658 году, можно думать, что это былъ годъ смерти кн. Ивана Никитича.

Въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ въ описи 1660 года значилась „палатка (склепъ) отъ родителей кн. Ивана Никитича Хованскаго и Ивана Дмитріевича Пожарскаго".

Въ этомъ склепѣ открыта могила кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго, кромѣ того по оставшимся камнямъ видно, что тамъ были похоронены: отецъ князя Ивана — Никита Андреевичъ Хованскій, ум. 26 мая 1608; его дядя бояринъ Иванъ Андреевичъ Хованскій, ум. 26 мая 1622; двоюродный братъ окольничій Иванъ Дмитріевичъ Пожарскій, ум. 15 февр. 1668; но нѣтъ прямыхъ указаній объ мѣстѣ погребенія самого Ивана Никитича [19]).

Земельное состояніе кн. Ивана Никитича Хованскаго.

1608—1658.

Отъ отца своего Никиты Андреевича (1608) кн. Иванъ получилъ только одну небольшую вотчину, съ деревней Безденежье, на рѣкѣ Муромкѣ, въ стану Хованскомъ, по Волоку Ламскому, въ 150 четей (225 дес.), и то въ общемъ владѣніи съ дядей Андреемъ Андреевичемъ Хованскимъ [20]).

Къ концу же его жизни (1658) у него сосредоточилось значительное земельное богатство, составившееся изъ государственныхъ помѣстій, и изъ выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ, перешедшихъ отъ знаменитыхъ его родственниковъ.

Увеличеніе помѣстнаго оклада бывало лишь послѣ усиленныхъ просьбъ служилаго человѣка.

Въ 1634 году кн. Иванъ билъ челомъ царю Михаилу, называя себя холопомъ Ивашкой и горько жалуясь, что онъ „былъ верстанъ въ робяцкихъ лѣтахъ, всѣмъ сверстникамъ прибавлено жалованье и окладъ, а онъ бродилъ на службу въ старомъ робяцкомъ окладѣ. Ми-

лосердый государь, прибавь жалованье и окладъ, какъ тебѣ, государь, Богъ по сердцу положитъ. Царь государь, смилуйся",—униженно доканчивалъ онъ свое челобитье [13]).

Въ шести помѣстьяхъ, считая въ томъ числѣ и Леоновское помѣстье, данныхъ ему послѣ подобныхъ челобитій, насчитывалось 1582 чети (2373 дес.). Доходы съ нихъ шли на покрытіе военныхъ расходовъ князя и его людей. За личную же службу онъ получалъ особое денежное жалованіе, достигшее, послѣ всѣхъ прибавокъ, 500 рублей (около 8500 руб. [21]).

Но какъ мы увидимъ, всѣ эти помѣстныя земли, считавшіяся государственными, перешли впослѣдствіи, подъ вліяніемъ измѣнившагося духа времени, въ родовую собственность потомковъ кн. Хованскаго, при полномъ забвеніи первоначальныхъ условій дачи.

Недаромъ на земскомъ соборѣ (1642), торговые люди, - считавшіеся только данниками государства, въ противуположность къ земледѣльцамъ, служилымъ людямъ,- на поставленный имъ прямой вопросъ,—воевать или нѣтъ съ турками,—дали уклончивый отвѣтъ, въ которомъ чувствовалась, на ряду съ затаенной завистью къ первенствующему сословію, и нѣкоторая доля прозорливости; они говорили: „за нами нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службу мы несемъ безпрерывно... Черныхъ сотенъ и слободъ сторожевую несемъ службу..." [22]).

По заключеніи перемирія съ Польшей и по прибытіи изъ плѣна отца государя, патріарха Филарета Никитича (1619), всѣмъ участникамъ по замиреніи страны были розданы богатыя награды.

Въ числѣ первыхъ былъ, конечно, кн. Д. М. Пожарскій, который получилъ новыя вотчины, и многія прежнія его помѣстья обращены въ вотчины.

Онъ поспѣшилъ подѣлиться новыми землями съ своей сестрой, княг. Дарьей, и племянникомъ, кн. Иваномъ, которые сбирали вѣроятно скудные доходы съ своей единственной деревни Безденежье, можетъ быть вполнѣ оправдывавшей свое печальное названіе.

Во первыхъ, онъ отдѣлилъ имъ три пустоши—Казѣево, Ѳедоркино и половину Подберезья, окружавшія его подмосковное село

Медвѣдево, на р. Яузѣ, съ 25 четями (37 1/2 д.), и одновременно далъ болѣе крупную вотчину въ Ростовскомъ уѣздѣ съ 181 четями (271 д.), указывая въ данной (1620), подписанной имъ и послухами, что эти земли даетъ сестрѣ и племяннику по приказу своего отца, Михаила Ѳедоровича Пожарскаго, за приданое и за вотчину.

Очевидно смутное время было тому причиной, что знаменитый братъ могъ справить приданое сестрѣ лишь черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти зятя (1608).

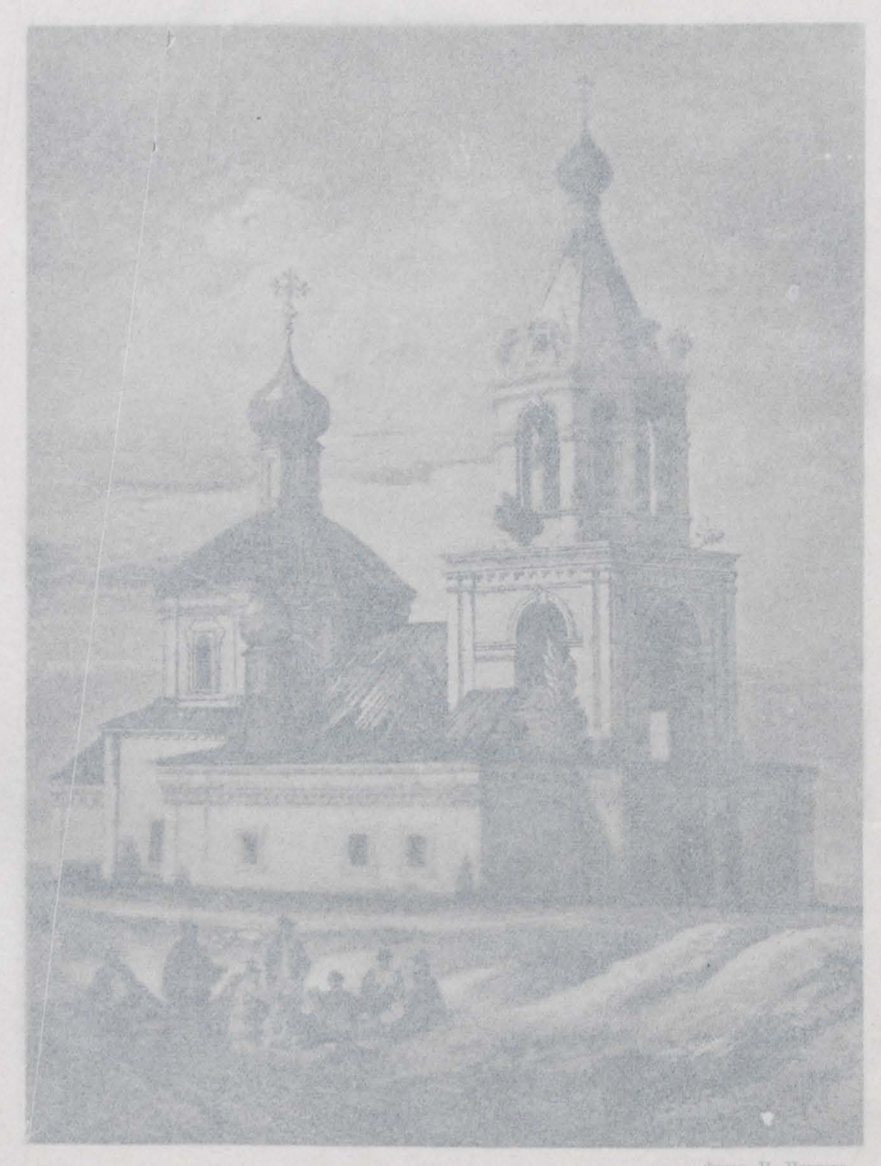
Не ограничившись этимъ, какъ бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода и раздѣлъ выморочнаго имущества между посторонними людьми, кн. Пожарскій отдѣлилъ сестрѣ и племяннику, изъ своей богатѣйшей вотчинной дачи въ Суздальскомъ уѣздѣ, еще три вотчины (442 чети = 663 дес.), составившія впослѣдствіи главную основу богатства кн. Хованскихъ.

За женой своей, урожденной Салтыковой, кн. Иванъ Хованскій получилъ три вотчины (800 четей = 1200 дес.); изъ коихъ одна (144 чети) — была отмежована „дѣвкѣ Марьѣ" во время опалы Салтыковыхъ по приказу государя (а. 1632); другая—(492 чети) была куплена кн. Мих. Мих. Салтыковымъ и справлена за кн. Иваномъ, когда онъ „на его дочери женился" (а. 1645—6); а третья—(164 чети) досталась по духовной отъ дяди его жены, Бориса Мих. Салтыкова (а. 1647).

Повидимому кн. Иванъ обладалъ даромъ вызывать къ себѣ симпатію и любовь въ своихъ родственникахъ, которые обогащали его своимъ имуществомъ.

Вдова боярина Ивана Ѳедоровича Хованскаго (умершаго въ 1625), Марья Афанасьевна, въ иноцѣхъ старица Марѳа, не старалась свою богатую приданую вотчину (800 чет. = 1200 д.) „въ монастырь по душѣ до выкупа дать", а уступая влеченію сердца „при жизни поступилась ею полюбовно премяннику своему кн. Ивану (1650)".

Къ концу жизни кн. Иванъ владѣлъ 1582 четями (т.-е. 40%) помѣстной земли и 2323 четями (то есть 60%) вотчиной земли, а всего 3905 четей или 5857 1/2 десятинъ.



Фотот. П. Павлова.

Ризположенская церковь въ Леоновѣ.

Закрыта въ 1800 г. и оставалась «безъ пѣнія» до 1859 г., крыша вся обросла березами.

(Снимокъ А. А. Капустина съ старинной гравюры, разысканной Н. А. [illegible]).

лосердый государь, прибавь жалованье и окладъ, какъ тебѣ, государь, Богъ по сердцу положитъ. Царь государь, смилуйся“,—униженно доканчивалъ онъ свое челобитье [13]).

Въ шести помѣстьяхъ, считая въ томъ числѣ и Леоновское помѣстье, данныхъ ему послѣ подобныхъ челобитій, насчитывалось 1582 чети (2373 дес.). Доходы съ нихъ шли на покрытіе военныхъ расходовъ князя и его людей. За личную же службу онъ получалъ особое денежное жалованіе, достигшее, послѣ всѣхъ прибавокъ, 500 рублей (около 8500 руб. [21]).

Но какъ мы увидимъ, всѣ эти помѣстныя земли, считавшіяся государственными, перешли впослѣдствіи, подъ вліяніемъ измѣнившагося духа времени, въ родовую собственность потомковъ кн. Хованскаго, при полномъ забвеніи первоначальныхъ условій дачи.

Недаромъ на земскомъ соборѣ (1642), торговые люди, считавшіеся только данниками государства, въ противуположность къ земледѣльцамъ, служилымъ людямъ, на поставленный имъ прямой вопросъ,—воевать или нѣтъ съ турками,—дали уклончивый отвѣтъ, въ которомъ чувствовалась, на ряду съ затаенной завистью къ первенствующему сословію, и нѣкоторая доля прозорливости; они говорили: „за нами нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службу мы несемъ безпрерывно... Черныхъ сотенъ и слободъ сторожевую несемъ службу...“ [22]).

По заключеніи перемирія съ Польшей и по прибытіи изъ плѣна отца государя, патріарха Филарета Никитича (1619), всѣмъ участникамъ по замиреніи страны были розданы богатыя награды.

Въ числѣ первыхъ былъ, конечно, кн. Д. М. Пожарскій, который получилъ новыя вотчины, и многія прежнія его помѣстья обращены въ вотчины.

Онъ поспѣшилъ подѣлиться новыми землями съ своей сестрой, княг. Дарьей и племянникомъ, кн. Иваномъ, которые сбирали вѣроятно скудные доходы съ своей единственной деревни Безденежье, можетъ быть вполнѣ оправдывавшей свое печальное названіе.

Во первыхъ, онъ отдѣлилъ имъ три пустоши—Казѣево, Ѳедоркино и половину Подберезья, окружавшія его подмосковное село

Медвѣдево, на р. Яузѣ, съ 25 четями ($37\frac{1}{2}$ д.), а одновременно далъ болѣе крупную вотчину въ Ростовскомъ уѣздѣ съ 181 четями (271 д.), указывая въ данной (1620), подписанной имъ и послухами, что эти земли даетъ сестрѣ и племяннику по приказу своего отца, Михаила Ѳедоровича Пожарскаго, за приданое и за вотчину.

Очевидно смутное время было тому причиной, что знаменитый братъ могъ справить приданое сестрѣ лишь черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти зятя (1608).

Не ограничившись этимъ, какъ бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода и раздѣлъ выморочнаго имущества между посторонними людьми, кн. Пожарскій отдѣлилъ сестрѣ и племяннику изъ своей богатѣйшей вотчинной дачи въ Суздальскомъ уѣздѣ, еще три вотчины (442 чети = 663 дес.), составившія впослѣдствіи главную основу богатства кн. Хованскихъ.

За женой своей, урожденной Салтыковой, кн. Иванъ Хованскій получилъ три вотчины (800 четей = 1200 дес.); изъ коихъ одна (144 чети)—была отмежована „дѣвкѣ Марьѣ“ во время опалы Салтыковыхъ по приказу государя (а. 1632); другая—(492 чети) была куплена кн. Мих. Мих. Салтыковымъ и справлена за кн. Иваномъ, когда онъ „на его дочери женился“ (а. 1645—6); а третья—(164 чети) досталась по духовной отъ дяди его жены, Бориса Мих. Салтыкова (а. 1647).

Повидимому кн. Иванъ обладалъ даромъ вызывать къ себѣ симпатію и любовь въ своихъ родственникахъ, которые обогащали его своимъ имуществомъ.

Вдова боярина Ивана Андреевича Хованскаго (умершаго въ 1621), Марья Афанасьевна, въ иночѣхъ старица Марѳа, не старалась свою богатую приданую вотчину (800 чет.=1200 д.) „въ монастырь по душѣ до выкупа дать“, а уступая влеченію сердца „при жизни поступилась ею полюбовно премяннику своему кн. Ивану (1650)“.

Къ концу жизни кн. Иванъ владѣлъ 1582 четями (т.-е. 40%) помѣстной земли и 2323 четями (то есть 60%) вотчиной земли, а всего 3905 четей или $5857\frac{1}{2}$ десятинъ.



Фотот. П. Павлова.

Ризположенская церковь въ Леоновѣ.

Закрыта въ 1800 г. и оставалась «безъ пѣнія» до 1859 г., крыша вся обросла березами.

(Снимокъ А. А. Капустина съ старинной гравюры, разысканной Н. А. Найденовымъ).

Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ кн. Ивана, нужно помнить, что исчисленная писцами земля представляла изъ себя лишь одну пашню, окруженную поверстными лѣсами, сѣнными угодьями, усадебными мѣстами, въ счетъ не входившими. Можно сослаться на то, что въ вотчинахъ, поступившихъ отъ кн. Пожарскаго, въ Суздальскомъ уѣздѣ, по писцовимъ книгамъ числилось только 442 чети или 663 десятины. Между тѣмъ въ 1746 году тамъ значилось 2280 душъ крестьянъ, очевидно разселившихся на расчищенныхъ лѣсныхъ пространствахъ [21]). Полагая на душу только $2^1/_2$ десятины, получимъ 5702 десятины, то есть болѣе чѣмъ въ девять разъ, исчисленныхъ писцами.

Мы не ошибемся, если предположимъ, что 3905 четей кн. Ивана при генеральномъ межеваніи представили бы площадь въ 50.000 десятинъ.

Подъ самой Москвой, по одной дорогѣ съ Леоновскимъ помѣстьемъ, у князя Ивана имѣлась земля, такъ называемый „данный“ огородъ, находившійся „за Усрѣтенскими воротами за землянымъ городомъ“, (то есть за Сухаревой башней близъ Крестовской часовни.)

Интересенъ взглядъ городского обывателя (1649) на подобныя земли, самовольно „иззанятыя“, вскорѣ послѣ смуты, лицами, власть имѣвшими, на разные загородные дворы и огороды, въ которыхъ, по Домострою, „хозяинъ въ лѣтѣ прохлаждается, ястъ дыни, стручіе и всякій овощъ“.

„Изстари около Москвы были животинные выпуски версты на три, четыре, пять (верста въ 1000 саж.)... По Троицкой дорогѣ по Яузу (т. е. до Ростокина), до коихъ поръ пашен не бывало... А нынѣ (1649) де ихъ не стало, потому изваняли бояре, ближніе люди и московскіе дворяне и дьяки подъ загородные дворы и огороды... Животинные выпуски распахали и въ лѣса въѣзду по дрова не стало... Государь бы пожаловалъ, указалъ бы по прежнему“... [23]).

И дѣйствительно, вдоль Большой Троицкой дороги, начинавшейся тогда (1667) за землянымъ городомъ (т. е. отъ Сухаревой башни) и проходившей сначала черезъ Мѣщанскую слободку, за которой шло поле, потомъ черезъ Напрудную дворцовую слободу на рѣчкѣ Напрудной,— направо соприкасавшуюся съ пашенной землей Переяславской ямской слободы, а налѣво съ землей (въ десятинъ 15) монастыря „Убогихъ домъ“ — вдоль этой дороги упоминаются огороды всё близкихъ ко двору лицъ: кн. Ник. Ив. Одоевскаго, кнг. Сицкой, кн. Ромодановскаго, кн. Прозоровскаго, кн. Черкасскаго... (огородъ послѣдняго нынѣ занятъ Шереметевскою богадѣльней [24]).

Впрочемъ, едва ли большую стоимость представляли всѣ эти огороды, взятые послѣ смуты скорѣй съ спекулятивной цѣлью: въ расчетѣ на скорое вздорожаніе; даже значительно позднѣе (1686) цѣны городской земли были очень невысоки.

„Въ Кремлѣ 2 рубля (34 р.), въ Китаѣ 1 рубль (17 р.), въ Бѣломъ—полуполтина (4 р. 25 к.), въ земляномъ—(до Сухаревой) гривна (1 р. 70 к.) и за землянымъ городомъ, гдѣ находился огородъ кн. Ивана,—всего 6 денегъ (51 к.)—кв. сажень [25]).

На огородѣ кн. Ивана было 11 дворовъ вотчинныхъ бобылей, переведенныхъ изъ дальнихъ вотчинъ, и всё съ замысловатыми прозвищами въ родѣ: „Каливайко, Борода, Бабиченокъ, Рукавка, Шайдунъ“, большинство изъ нихъ конные и портные мастера, которые кормились работою на Москвѣ. Одинъ дворъ пустъ: Васка Юрьевъ — (можетъ быть одинъ изъ энергичныхъ колонизаторовъ южныхъ областей)—бѣжалъ [26]).

Село Леоново при кн. Иванѣ Никитичѣ Хованскомъ.

Ризположенская церковь.

1626—1658.

И даже по окончаніи смутнаго времени служилые люди могли только мечтать о спокойной деревенской жизни, посылаемые безпрестанно нести сторожевую службу на окраинные города государства.

Тѣмъ менѣе могъ думать о спокойствіи боевой воевода и близкій ко двору—кн. Хованскій.

Вся жизнь его прошла въ походахъ или на глазахъ государя, при короткихъ отпускахъ въ помѣстьи и вотчины.

Чаще всего могъ онъ бывать въ Леоновѣ, куда была возможность уѣхать и безъ формальнаго отпуска.

Первымъ дѣломъ всякого новаго помѣщика, особенно же въ подмосковной мѣстности, было построеніе церкви, хотя бы деревянной и самой невзыскательной архитектуры; тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе обилія лѣса постройка обходилась дешево.

При выборѣ престола для Леоновской церкви, кн. Хованскій могъ руководствоваться слѣдующими соображеніями.

Уже само названіе пустоши Левоновой переносило его, получившаго церковное воспитаніе, къ тому византійскому царю Льву или Леону, при которомъ, въ пятомъ вѣкѣ, былъ установленъ праздникъ Ризположенья.

Съ другой стороны, одна кремлевская Ризположенская церковь (существуетъ и теперь), находившаяся на патріаршемъ дворѣ, была очень популярна въ то время между лицами приближенными къ царю, такъ какъ патріархомъ былъ отецъ государя, всемогущій Филаретъ Никитичъ; а всѣмъ чѣмъ интересовался патріархъ, тому оказывалось со стороны придворныхъ, шедшихъ за царемъ, самое усиленное, льстивое вниманіе.

Такъ, при жизни Филарета, въ ту церковь, въ престольные праздники (2 іюля), бывали всегда торжественные царскіе выходы, тотчасъ же прекратившіеся по его смерти [27]).

Послѣ кремлевскаго пожара (1626) патріархъ съ особой заботливостью отстраивалъ погорѣвшую Ризположенскую церковь, завершивъ свои хлопоты торжественнымъ освященіемъ, (17 ноября 1626) въ присутствіи царя и всего двора [28]).

Такъ какъ эти дни совпадали съ пожалованіемъ кн. Хованскому давно желаннаго подмосковнаго помѣстья, означавшимъ извѣстную близость къ государю и вообще начало служебной карьеры, то онъ и связалъ повидимому эти два событія, выбравъ Ризположенскій престолъ для новой церкви.

Первое офиціальное упоминаніе Леоновской

деревянной церкви имѣется отъ 1633 г., и 1635 года, когда была взята дань въ пользу патріарха 3 алтына 4 деньги [29]).

Судя по тому, что въ первую подворную перепись (1646) барскій дворъ въ Леоновѣ совсѣмъ не упоминается, можно думать, что кн. Иванъ бывалъ здѣсь только наѣздомъ, что онъ жилъ здѣсь душей, а не тѣломъ. И лишь по возвращеніи, своемъ изъ Сибирской ссылки, (1649) выстроилъ настоящую усадьбу на горѣ рядомъ съ церковью.

Въ ту же перепись упомянуто только объ одномъ бобыльскомъ дворѣ—Ивашки Микифорова съ сыномъ Ваською. Упомянуто о попѣ Павлѣ да дьячкѣ Емелькѣ Еремѣевѣ. Вся же зарѣчная мѣстность съ однимъ крестьянскимъ дворомъ, гдѣ жилъ Митька Филиповъ съ сыномъ Ивашкою да внукомъ Оською, называлась громкимъ именемъ деревни Коровьей [26]).

Вдова кн. Ив. Ник. Хованскаго—Марья Михайловна, урожденн. кн. Салтыкова. 1658—1673.

Вдова кн. Хованскаго, княгиня Марья Михайловна, осталась послѣ мужа (1658) съ двумя малолѣтними сыновьями: Иваномъ и Петромъ. Старшему не было и пятнадцати, а младшему и одинадцати лѣтъ [30]).

Отецъ княгини, бояринъ Михаилъ Михаиловичъ, и дядя—Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, родные племянники великой старицы Мароы, играли первенствующую роль при началѣ царствованія ихъ двоюроднаго брата царя Михаила.

Когда кн. Дм. Мих. Пожарскій отказался, по мѣстническимъ соображеніямъ, сказать жалованье боярствомъ кн. Борису Салтыкову, находя это ниже своего достоинства, то его, народнаго героя, окруженнаго самой блестящей славой спасителя Россіи, безъ церемоніи унизили, выдавъ головой Салтыкову (1613).

Эти кн. Салтыковы разстроили царскую свадьбу (1616), объявивъ нареченную невѣсту Марію Хлопову, съ дѣтства любимую царемъ, и случайно прихворнувшую отъ чрез-

мѣрныхъ лакомствъ, предложенныхъ ей во дворцѣ,— неизлѣчимо больной.

Черезъ семь лѣтъ (1623), когда ихъ хитрость разъяснилась, ихъ лишили чиновъ и имѣній и сослали въ дальнія деревни, а мать ихъ, царскую тетку,—въ Суздальскій монастырь, за то, что они „государской радости учинили помѣшку".

И правда, Салтыковская интрига стоила царю Михаилу десять лишнихъ лѣтъ холостойжизни.

Послѣ неудачныхъ попытокъ Филарета породниться съ заморскими принцессами, послѣ ссоры съ матерью при новой попыткѣ сватовства на Хлоповой (1623), послѣ свадьбы съ несчастной Мар. Волод. Долгорукой, смертельно захворавшей въ первую же брачную ночь (1624), царю удалось наконецъ жениться почти тридцати лѣтъ отъ роду (1626) на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, простой прислужницѣ, пріѣхавшей съ одной дѣвицей на царскій смотръ.

До самой смерти всемогущаго Филарета, несмотря на сильную руку старицы Мареы, Салтыковы оставались въ опалѣ [16]).

Впрочемъ, года за два (а. 1632) появились признаки скораго прощенія, когда „дѣвка Марья Михайлова, дочь Михайловича Салтыкова" по государевой грамотѣ получила въ вотчину 144 чети [20]).

Наконецъ, въ 1634 году всѣ чины и земли были возвращены Салтыковымъ и они занали вновь почетное положеніе.

Всѣ приданыя вотчины княгини Марьи были справлены за кн. Хованскимъ въ (а) 1645 году. Повидимому это былъ годъ ея выхода въ замужество, когда „молодому" минуло уже 37 лѣтъ. И въ первый годъ супружества она должна была, повидимому, идти за мужемъ въ Сибирь, гдѣ пробыла 4 года.

При своей жизни, когда старшему сыну минуло 15 лѣтъ, а слѣдовательно приспѣло время его службы, она справила за сыновьями всѣ мужнины и свои помѣстья и вотчины (1661).

Въ Леоновѣ она могла жить съ старшимъ холостымъ Иваномъ въ старой усадьбѣ, такъ какъ Петру, послѣ женитьбы, выстроили новую. (Гдѣ Демидовскій домъ).

Умерла она въ 1673 году, переживъ мужа на 15 лѣтъ.

Служебное положеніе кн. Ивана Ивановича (большого) и Петра Ивановича (меньшого) Хованскихъ [31]).

1661—1701—1716.

Сыновья Ивана Никитича, кн. Иванъ и Петръ Хованскіе, занимали почетное положеніе и получали царскія милости, судя по приблизительной одновременности пожалованія чиновъ и помѣстій тому и другому брату, скорѣй по заслугамъ своихъ знатныхъ предковъ, нежели по своимъ личнымъ.

Они быстро проходили всѣ ступени придворной службы.

Въ дворцовомъ дневникѣ ихъ имена встрѣчаются безпрестанно.

Старшій, кн. Иванъ, пятнадцати лѣтъ уже стольникъ (д. 1661), а затѣмъ чашникъ при дворѣ государя (д. 1665). Вѣроятно красавецъ собой, онъ стоитъ рындой у трона, въ день пріема иноземнаго посла, въ живописномъ бѣломъ костюмѣ, подбитомъ соболемъ, съ топорикомъ на плечѣ (д. 1665). Упоминается на свадьбѣ вдоваго 42-лѣтняго царя Алексѣя Михайловича, обремененнаго многочисленной, но хилой семьей, оставшейся отъ первой его жены, которая была старше его на 4 года [32]), и теперь женившагося (д. 1671) на юной красавицѣ, родившей ему богатыря. Участвуетъ въ печальной церемоніи перенесенія тѣла того же царя изъ государскихъ палатъ до соборной церкви Архангела Божія Михаила (д. 1676). Послѣ воцаренія 14-лѣтняго Өеодора, передъ крестнымъ ходомъ идетъ „за образы" къ Өеодору Стратилату (д. 1679). А наканунѣ вѣнчанія двухъ самодержавныхъ царей, шестнадцатилѣтняго Ивана и десятилѣтняго Петра, жалуется въ спальники къ первому (д. 1682).

Вся служба его ограничивается обязанностями церемонимейстера, не выражаясь въ иной формѣ. Объясненіе этому находимъ въ его личномъ сообщеніи въ Разрядѣ: (1675) „въ походъ не ѣздитъ для того, что у него животная болѣзнь и грыжа. Да и прежъ де сего тое его болѣзнь досматривалъ бояринъ кн. Никита Ив. Одоевскій, какъ ему въ

181 году была Москва приказана и нынѣ де ему въ походъ ѣздить не мочно“.

Младшій его братъ, кн. Петръ, также близокъ ко двору.

То онъ дневуетъ и ночуетъ во дворѣ государя въ Кремлѣ, когда тотъ идетъ въ походъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь (д. 1674) [33]). То за столомъ, для всемірной радости, и объявленія (наслѣдникомъ) царевича Ѳеодора наряжаетъ вина (д. 1674). Провожаетъ царевича изъ села Преображенскаго въ Москву, когда тотъ ѣдетъ въ избушкѣ, запряженной шестью возниками темносѣрыми, а затѣмъ спѣшитъ къ царю Алексѣю въ село Соколово, гдѣ тотъ вѣроятно тѣшился соколиной охотою (13 Дкбр. д. 1674). Провожаетъ иконы въ Донской монастырь (д. 1682).

Кромѣ придворной службы, онъ вѣдаетъ Разбойный приказъ (а. 1682), посылается на службу въ города, напр. на воеводство въ Кіевъ (д. 1693, когда сынъ его Алексѣй-у него тамъ въ товарищахъ).

Всё идетъ гладко. Оба брата незамѣтно доходятъ до высшаго почетнѣйшаго чина въ государствѣ. Великіе государи, при вѣнчаніи на царство, пожаловали ихъ боярствомъ (1682). Кн. Петру, которому не было и 35 лѣтъ, честь и боярство сказывалъ окольничій Ив. Савост. Хитрово (8 Іюля 1682).

Но вдругъ надъ ихъ родственниками разразилась гроза и опалила ни въ чемъ неповинныхъ братьевъ.

Фактическіе правители государствомъ, царевна Софья и ея другъ кн. Вас. Вас. Голицынъ (владѣлецъ села Медвѣдкова), желая устранить отъ власти кн. Ивана Андреевича Хованскаго Тараруя и его сына Андрея, казавшихся имъ опасными своимъ вліяніемъ на стрѣльцовъ, просто разрѣшили этотъ вопросъ: въ день именинъ Софьи (17 Сент. 1682) въ отвѣтъ на поздравленія, они, именемъ государей, безъ суда казнили обоихъ Хованскихъ.

А чтобы подчеркнуть въ глазахъ народа и войска мнимую виновность всѣхъ Хованскихъ, правительство лишило чиновъ и сослало въ дальнія деревни и двоюродныхъ племянниковъ казненнаго, нашихъ молодыхъ бояръ, кн. Ивана и Петра, только что начинавшихъ свыкаться съ тѣмъ почетомъ, какимъ окружено было тогда боярское званіе.

Черезъ два дня послѣ казни (19 Сент.) въ Москву пришла грамота отъ государей на имя „Ѳед. Ѳед. Куракина съ товарищи“, въ которой указывалось, чтобы кн. Петра Ив. Хованскаго, который „сидѣлъ въ Разбойномъ приказѣ (т. е. управлялъ), отдать за приставы“. Разрядные подъячіе ходили къ нему въ домъ, но его тамъ не застали. По распросамъ взятаго у него человѣка, Алешки Комарова, который „за дѣлы ходитъ“, выяснилось: „что де кн. Петръ поѣхалъ съ Москвы въ подмосковную свою деревню по Троицкой дорогѣ, въ село Левоново, тому нынѣ третья недѣля, а изъ той деревни онъ хотѣлъ ѣхать въ дальнія свои деревни, которыя у него въ Володимерѣ, Суздали, Лухѣ, Нижнемъ, Алатырѣ, Торжку, на Волоку, а въ которыя де деревни напередъ поѣхалъ и нынѣ гдѣ, того онъ Алешка не вѣдаетъ“.

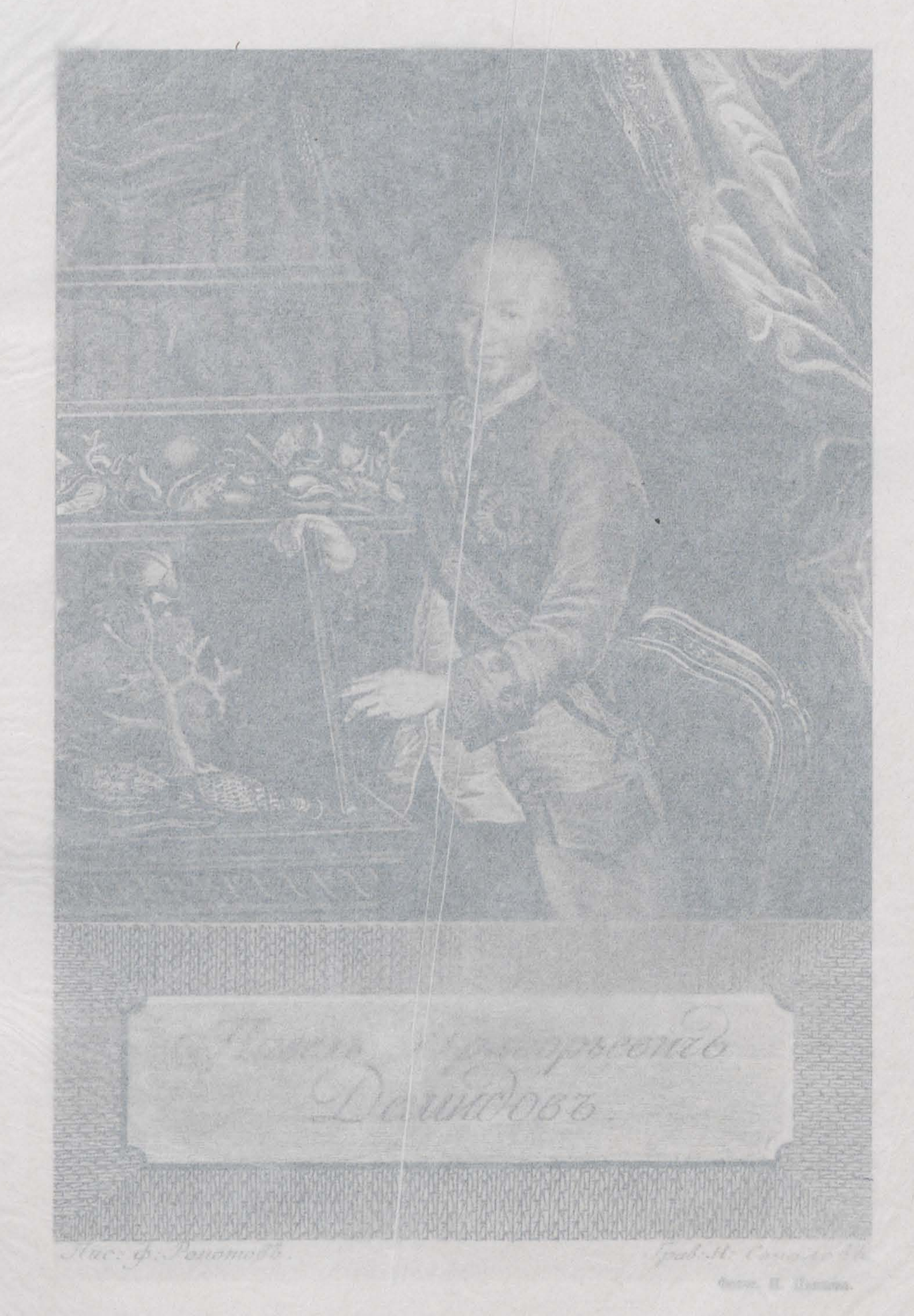
4 Октября всѣ Хованскіе были разысканы, такъ какъ въ этотъ день послѣдовалъ указъ: послать ихъ въ дальнія деревни съ приставами, изъ тамошнихъ помѣщиковъ, которымъ велѣно прожить съ опальными съ мѣсяцъ, а затѣмъ вернуться въ Москву.

Впрочемъ правительство сознавало невиновность Хованскихъ и наказывало ихъ только для показу.

Судя по разрѣшенію, данному всего черезъ полгода (15 Мрта 1683) кн. Петру Ив. большому, родному сыну Тараруя,- выѣхать изъ его Суздальской безпашенной деревушки, гдѣ онъ „испроѣлся и крестьянишекъ разорилъ“ и жить гдѣ хочетъ, кромѣ Москвы, можно думать, что и владѣльцы Леонова получили такъ же скоро свободный выборъ своего мѣстопребыванія. Но разрѣшеніе быть въ Москвѣ, безъ права въѣзда въ городъ и со двора, кн. Иванъ напримѣръ, получилъ только въ 1688 году [34]).

Послѣ паденія Софіи Хованскимъ возвращено было прежнее положеніе.

На сырной недѣлѣ (д. 28 Ф. 1690) былъ радостный столъ у государей по случаю рожденія царевича Алексѣя, и за столомъ кн.



Съ старинной гравюры изъ книги G. Fischer „Museum Demidoff" 1806.

181 году была Москва приказана и нынѣ де ему въ походъ ѣздить не мочно".

Младшій его братъ, кн. Петръ, также близокъ ко двору.

То онъ дневуетъ и ночуетъ во дворѣ государя въ Кремлѣ, когда тотъ идетъ въ походъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь (д. 1674) [33]. То за столомъ, для всемірной радости, и объявленія (наслѣдникомъ) царевича Ѳеодора наряжаетъ вина (д. 1674). Провожаетъ царевича изъ села Преображенскаго въ Москву, когда тотъ ѣдетъ въ избушкѣ, запряженной шестью возниками темносѣрыми, а затѣмъ спѣшитъ къ царю Алексѣю въ село Соколово, гдѣ тотъ вѣроятно тѣшился соколиной охотою (13 Дкбр. д. 1674). Провожаетъ иконы въ Донской монастырь (д. 1682).

Кромѣ придворной службы, онъ вѣдаетъ Разбойный приказъ (а. 1682), посылается на службу въ города, напр. на воеводство въ Кіевъ (д. 1693, когда сынъ его Алексѣй-у него тамъ въ товарищахъ).

Всё идетъ гладко. Оба брата незамѣтно доходятъ до высшаго почетнѣйшаго чина въ государствѣ. Великіе государи, при вѣнчаніи на царство, пожаловали ихъ боярствомъ (1682). Кн. Петру, которому не было и 35 лѣтъ, честь и боярство сказывалъ окольничій Ив. Савост. Хитрово (8 Іюля 1682).

Но вдругъ надъ ихъ родственниками разразилась гроза и опалила ни въ чемъ неповинныхъ братьевъ.

Фактическіе правители государствомъ, царевна Софья и ея другъ кн. Вас. Вас. Голицынъ (владѣлецъ села Медвѣдкова), желая устранить отъ власти кн. Ивана Андреевича Хованскаго Тараруя и его сына Андрея, казавшихся имъ опасными своимъ вліяніемъ на стрѣльцовъ, просто разрѣшили этотъ вопросъ: въ день именинъ Софьи (17 Сент. 1682) въ отвѣтъ на поздравленія, они, именемъ государей, безъ суда казнили обоихъ Хованскихъ.

А чтобы подчеркнуть въ глазахъ народа и войска мнимую виновность всѣхъ Хованскихъ, правительство лишило чиновъ и сослало въ дальнія деревни и двоюродныхъ племянниковъ казненнаго, нашихъ молодыхъ бояръ,

кн. Ивана и Петра, только что начинавшихъ свыкаться съ тѣмъ почетомъ, какимъ окружено было тогда боярское званіе.

Черезъ два дня послѣ казни (19 Сент.) въ Москву пришла грамота отъ государей на имя „Ѳед. Ѳед. Куракина съ товарищи", въ которой указывалось, чтобы кн. Петра Ив. Хованскаго, который „сидѣлъ въ Разбойномъ приказѣ (т. е. управлялъ), отдать за приставы". Разрядные подьячіе ходили къ нему въ домъ, но его тамъ не застали. По распросамъ взятаго у него человѣка, Алешки Комарова, который „за дѣлы ходитъ", выяснилось: „что де кн. Петръ поѣхалъ съ Москвы въ подмосковную свою деревню по Троицкой дорогѣ, въ село Левоново, тому нынѣ третья недѣля, а изъ той деревни онъ хотѣлъ ѣхать въ дальнія свои деревни, которыя у него въ Володимерѣ, Суздали, Лухѣ, Нижнемъ, Алатырѣ, Торжку, на Волоку, а въ которыя де деревни напередъ поѣхалъ и нынѣ гдѣ, того онъ Алешка не вѣдаетъ".

4 Октября всѣ Хованскіе были разысканы, такъ какъ въ этотъ день послѣдовалъ указъ послать ихъ въ дальнія деревни съ приставами, изъ тамошнихъ помѣщиковъ, которымъ велѣно прожить съ опальными съ мѣсяцъ, а затѣмъ вернуться въ Москву.

Впрочемъ правительство сознавало не виновность Хованскихъ и наказывало ихъ только для показу.

Судя по разрѣшенію, данному всего черезъ полгода (15 Мрта 1683) кн. Петру Ив. большому, родному сыну Тараруя,- выѣхать изъ его Суздальской безпашенной деревушки, гдѣ онъ „испроѣлся и крестьянишекъ разорилъ" и жить гдѣ хочетъ, кромѣ Москвы, можно думать, что и владѣльцы Медвѣдкова получили такъ же скоро свободный выборъ своего мѣстопребыванія. Но разрѣшеніе быть въ Москвѣ, безъ права выѣзда изъ городъ и со двора, кн. Иванъ напримѣръ, получилъ только въ 1688 году [34].

Послѣ паденія Софіи Хованскимъ возвращено было прежнее положеніе.

На сырной недѣлѣ (д. 28 Ф. 1690) былъ радостный столъ у государей по случаю рожденія царевича Алексѣя, и за столомъ кн.



Фотот. П. Павлова.

Съ старинной гравюры изъ книги G. Fischer „Museum Demidoff“ 1806.

Иванъ и Петръ были пожалованы изъ дворянъ въ бояре-по прежнему.

Съ этого времени возобновляется ихъ почетная служба, сосредоточенная на церковныхъ церемоніяхъ, которыя занимали тогда выдающееся мѣсто въ московской жизни.

Какъ будто Петръ Великій игнорировалъ бояръ, представителей старыхъ знаменитыхъ родовъ, часто оставляя имъ всё почетное и покойное, далекое отъ его собственной тревожной дѣятельности.

Леоново при кн. Иванѣ и Петрѣ Ивановичахъ Хованскихъ.

1661—1716.

Благодаря большимъ мирнымъ перерывамъ въ жизни государства, служилые люди, особенно послѣ мира 1667 года, уже начали привыкать къ осѣдлой жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ терять всякую воинственность, имѣя возможность подолгу проживать въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, развлекаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотою, особенно лошадьми, иногда прерывая сельскую монотонность столкновеніями съ сосѣдями изъ за спорныхъ границъ.

Лица, состоявшія на придворной службѣ, по прежнему дорожили своими подмосковными помѣстьями, расположенными, вродѣ Леонова, у самыхъ воротъ столицы.

Недаромъ молодые кн. Хованскіе, при дѣлежѣ своего имущества (а. 1671) рѣшили оставить Леоново съ деревней Казѣево въ общемъ владѣніи. Они раздѣлили село пополамъ, поставивъ въ немъ межи и грани: младшему кн. Петру досталась новая усадьба съ гумномъ по лѣвую сторону дороги, (шедшей мимо пруда) „съ Москвы ѣдучи" (гдѣ стоялъ Демидовскій дворецъ), а старшему кн. Ивану—старая усадьба, выстроенная еще кн. Иваномъ Никитичемъ [11]).

По переписи того времени (1678 и 1704) видно, что въ половинѣ кн. Ивана жило всего два человѣка кабальныхъ, да двѣ семьи дѣловыхъ.

У князя Петра крѣпостной дворни значительно больше: три семьи кабальныхъ, да три—

задворныхъ, переведенныхъ изъ другихъ вотчинъ; между ними значится даже крѣпостной литовскаго полону, у котораго сынъ Епишка (Епифанъ). Есть и кабальный прикащикъ, который давалъ эти свѣдѣнія. Ему читали указъ о смертной казни, которой онъ подвергался, еслибы сообщенное имъ оказалось въ чемъ либо невѣрнымъ, и въ то же время руку прикладывать къ документу давали, за безграмотностью его, другому лицу.

На основаніи приведенныхъ данныхъ о крѣпостныхъ у того и другого брата, можно заключить, что кн. Петръ, два раза женатый и обремененный большой семьей, (три сына и четыре дочери), основательно расположился въ Леоновѣ, гдѣ каждое лѣто, до заморозковъ, жила его семья, и куда онъ, впродолженіи всей своей (69 лѣтней?) жизни, стремился въ каждую минуту свободы [35]).

Между тѣмъ кн. Иванъ, хотя и свободный отъ походной и воеводской службы, но не связанный семьей, велъ скитальческую жизнь: поддерживая свою Леоновскую усадьбу, онъ переѣзжалъ изъ одного имѣнія въ другое, а также посѣщалъ монастыри, гдѣ былъ всегда желаннымъ гостемъ.

Въ селѣ стояла вѣтхая деревянная церковь. Причтъ, состоявшій изъ священника и дьячка, получалъ отъ помѣщика ругу, т. е. денежное жалованье, 20 рублей въ годъ (350 р.), такъ какъ ни церковной земли, ни приходу, кромѣ отдаленной деревни Казѣева, тяготѣвшей къ Свиблову и Медвѣдкову, у церкви не было.

Побоище при межеваніи спорной границы Леонова и Свиблова между дворовыми людьми стольниковъ кн. Хованскихъ и М. Л. Плещеева.

1675.

Несмотря на незначительную стоимость земли того времени, владѣльцы вотчинъ и помѣстій, особенно же въ подмосковной мѣстности, ревниво охраняли неприкосновенность своихъ владѣній и готовы были, при кажущемся или дѣйствительномъ нарушеніи ихъ правъ, постоять за себя силой.

Для иллюстраціи сосѣдскихъ отношеній можно привести одинъ случай изъ жизни владѣльцевъ Леонова, подробно описанный въ дворцовомъ дневникѣ.

По челобитью трехъ сосѣднихъ владѣльцевъ, изъ помѣстнаго приказа былъ посланъ межевщикъ, кн. Григорій Семен. Шаховской (повидимому сынъ извѣстнаго литератора, который сочинялъ лѣтописи, каноны и похвальныя слова святымъ), размежевать въ правду, по писцовымъ книгамъ и по сыску съ сторожильцами и окольными людьми, спорныя земли слѣдующихъ владѣній: села Левонова кн. Ивана и Петра Хованскихъ, села Свиблова Мих. Львовича Плещеева и деревни Поповской (села Медвѣдкова) кн. Юрія Иван. Пожарскаго [35]) (а. 24 Іюня 1675).

Къ спорному мѣсту, гдѣ соприкасаются три владѣнія (по дорогѣ въ Медвѣдково), съѣхались владѣльцы, каждый съ многочисленной свитой изъ крѣпостной дворни, испытанной въ походахъ на непріятеля; собрались сторожильцы изъ окрестныхъ деревень; прибылъ межевщикъ съ подьячими и... межеванье началось.

Князю Шаховскому трудно было разобраться въ сбивчивыхъ показаніяхъ сторожильцевъ и почти невозможно было возобновить многіе межевые пограничные признаки, такъ неясно описанные писцомъ Кологривовымъ въ 1623/4 году (см. описаніе межи Свиблова).

Онъ выбралъ наилегчайшій, а потому самый соблазнительный способъ разрѣшенія вопроса, практикуемый во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: онъ рѣшилъ согласиться съ тѣмъ, какъ желалъ того сильнѣйшій.

Но когда владѣлецъ Свиблова, Мих. Львов. Плещеевъ, самъ искусившійся на долговременной службѣ при дворѣ и въ походахъ, извѣстный своими дерзкими шалостями въ молодости, старинный врагъ отца кн. Хованскихъ по службѣ въ Смоленскѣ (1655), замѣтилъ, что изъ его владѣнія отходитъ добрый кусокъ земли въ пользу сосѣдей, онъ, по свойственной русскимъ привычкѣ, сначала думалъ измѣнить ходъ дѣла громкими и крѣпкими словами, уличая межевщика въ лицепріятіи кн. Юрію Ив. Пожарскому (троюродному брату

Хованскихъ), а когда увидалъ, что слова не дѣйствуютъ, съ присущей ему рѣшительностью пустилъ въ ходъ силу: приказавъ своимъ боевымъ людямъ гнать всѣхъ прочь [36]).

Крѣпостные кн. Хованскихъ, неизвѣстно сами ли или по приказу господъ, вступились за межевщика и въ результатѣ произошло побоище, цѣлый скандалъ, нарушившій покой самого царя Алексѣя Михайловича.

Уже въ первый пріѣздъ царя въ Москву, съ дачи съ Воробьевыхъ горъ, къ воскресной службѣ (4 Іюля 1675), кн. Шаховской билъ челомъ на Михаила Плещеева, указывая, что тотъ „хотѣлъ его убить на землѣ съ людьми своими, безчестилъ всякимъ безчестьемъ, великому государю силенъ чинился (противился), межевать земли не далъ и говорилъ, что—ты де межуешь для времени (для фавора) стольника кн. Ивана Борисовича Троекурова ему (въ угоду) Юрію Пожарскому“.

Въ тотъ же день принесъ жалобу царю о безчестіи на того же Плещеева, комнатный стольникъ, любимецъ царя, кн. Троекуровъ, котораго несдержанный языкъ Плещеева пристегнулъ къ совершенно постороннему для него дѣлу.

Несмотря на то, что былъ самый разгаръ лѣта и царю Алексѣю, прихварывавшему въ послѣднее время, вовсе не слѣдовало прерывать своего лѣтняго покоя, онъ приказалъ, въ отвѣтъ на жалобы потерпѣвшихъ, все межевое дѣло „привезти къ себѣ въ походъ на Воробьеву гору“. А на другой день поручилъ боярину Григ. Сем. Куракину и думному дьяку Дохтурову немедленное разслѣдованіе происшедшаго, при посылкѣ по всѣмъ понятымъ и при задержаніи въ приказѣ людей кн. Хованскихъ и Плещеева.

Черезъ недѣлю послѣ первыхъ челобитій, въ годовщину смерти царя Михаила, (понедѣльникъ 12 Іюля 1675), молодые князья Хованскіе, воспользовавшись пріѣздомъ Алексѣя Михайловича въ Москву, и, можетъ быть, вспоминая древній русскій обычай-ходатайствовать у царей въ день поминовенія ихъ родителей, били челомъ царю, когда онъ шелъ, послѣ службы, отъ Архангела Михаила „именнымъ челобитьемъ на Плещеева въ земляномъ вот-

чинномъ дѣлѣ". Они говорили, что „будутъ (если) они бьютъ челомъ ложно, чтобъ великій государь взялъ тое вотчину (Леоново) на себя безповоротно" [37]).

3 Августа, когда царь былъ „въ походѣ", то есть во время загородной поѣздки, земляное дѣло кн. Хованскихъ продолжало тревожить его покой. Бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій и думный дьякъ Дохтуровъ, несмотря на неурочное время, вздумали доложить ему объ результатахъ разслѣдованія происшедшаго скандала, видимо спрашивая „подъ сурдинку" его рѣшенія, но онъ кротко попросилъ: „доложить себѣ по тому дѣлу инымъ временемъ, когда сидѣнье его великаго государя будетъ съ боярами".

Наконецъ 19 Августа сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе государя, какъ бы косвенно обвинявшее кн. Шаховского, и оправдывавшее Плещеева: указано ѣхать новому межевщику, — самому думному дьяку приказа Казанскаго дворца Григорію Степанову сыну Караулову, да съ нимъ цѣлый штатъ: и дьякъ изъ помѣстнаго приказа и одинъ старый подъячій, да два подъячихъ молодыхъ для письма [37]).

Трагическая смерть боярина кн. Ивана Ивановича Хованскаго (большого).

1701.

Соединяя знатность съ богатствомъ, холостой кн. Иванъ несъ исключительно почетную службу въ религіозныхъ церемоніяхъ, какъ представитель царей, уже не принимавшихъ въ нихъ того дѣятельнаго участія, какъ ранѣе: царь Иванъ по физической слабости, а Петра Великаго отвлекали отъ старинныхъ благочестивыхъ развлеченій новые интересы по преобразованію государства.

Неустойчивое отношеніе высшихъ отражалось на настроеніи низшихъ: уже многіе бояре начинали тяготиться этого рода службой, когда замѣтили, что она перестаетъ считаться особо важной для государства.

Передъ нами эпизодъ, отмѣченный въ дворцовомъ дневникѣ, иллюстрирующій это настроеніе переходнаго времени.

Въ сборное воскресенье (14 Февр. д. 1692), присуствовать на дѣйствѣ православія, (когда протодіаконъ возглашалъ анаѳему), назначены были государями три почетнѣйшія лица: бояринъ кн. Мих. Як. Черкасскій, окольничій кн. Жирово-Засѣкинъ и бояринъ кн. Ив. Ив. Хованскій, и всѣ трое, подъ разными предлогами, уклонились отъ этой чести.

Кн. Жирово-Засѣкинъ, говорившій часы въ своей приходской церкви, сказалъ разрядному подъячему, что онъ болѣнъ, принялъ лѣкарство. А кн. Черкасскій сначала согласился, а потомъ сказалъ, что онъ болѣнъ, ему нужно „въ верхъ ѣхать" (во дворецъ), а потому у дѣйства быть не можетъ.

„Подъячіе ходили во дворъ боярина кн. Ив. Ив. Хованскаго, чтобы онъ былъ у дѣйства въ соборной церкви, а человѣкъ его Васка Павловъ, который у него ходитъ во дворѣ, сказалъ, что де бояринъ со двора своего съѣхалъ нынѣ въ городъ по утру рано, а сказку писалъ Васка своей рукой... Еще разъ ходилъ подъячій въ третьемъ часу (по восходѣ солнца) и говорилъ, чтобы бояринъ ѣхалъ въ соборъ къ дѣйству, и буде дома нѣтъ взять со двора человѣка. И люди сказали, что онъ съѣхалъ къ Николѣ на Угрѣшу и сказавъ ушли на поварню и взяться не дали... У дѣйства православія изъ бояръ никто не былъ, а были думные дворяне и дьяки. Бояринъ же Ив. Ив. Хованскій пришелъ въ соборъ послѣ дѣйства, во время службы божественной литоргіи. И по указу государей посыланъ къ нему подъячій,—для чего онъ у дѣйства не былъ и гдѣ до того дѣйства былъ. И онъ отповѣди никакой не сказалъ и ничего не говорилъ. И послѣ того въ другой разъ посыланъ къ нему разрядный же подъячій, чтобы онъ шелъ въ верхъ (въ Золотую Палату во дворцѣ), но онъ въ верхъ не пошелъ и отповѣди никакой не сказалъ и ничего не говорилъ".

Это ослушаніе царской власти, ослабленной двоевластіемъ, прошло для кн. Ивана безнаказанно, если не считать домашняго ареста, которому онъ можетъ быть и подвергался.

Послѣ смерти царя Ивана (1696) сильнѣе и рѣзче повѣяло на Руси духомъ новаго времени.

Въ числѣ безчисленныхъ жертвъ, принесенныхъ въ это переходное время навстрѣчу подвигавшемуся прогрессу, суждено было пасть и кн. Ивану Хованскому.

Сосредоточившійся исключительно на обрядовой сторонѣ религіи, вложившій всю свою душу въ исполненіе казоваго благочестія, всегда — въ крестныхъ ходахъ и на различныхъ дѣйствахъ—на виду у толпы: истово молящійся, повидимому съ длинной бородой, бритье которой казалось ему грѣхомъ смертнымъ, кн. Иванъ съ изумленіемъ замѣчалъ, что геніальный, но нетерпѣливый Петръ, считаетъ эти внѣшніе признаки истинно русскаго человѣка, спѣсивымъ невѣжествомъ, клавшимъ преграду къ сближенію съ западомъ, а потому подвергаются съ его стороны безпощадному преслѣдованію и осмѣянію.

Такое неслыханное отношеніе царя къ тому, что народъ привыкъ считать святымъ и неприкосновеннымъ, породило мнѣніе и въ толпѣ, что Петръ никто иной, какъ воплощенный антихристъ. Однимъ изъ выразителей этого мнѣнія былъ нѣкто Гришка Талицкій, написавшій книгу съ доказательствами изъ апокалипсиса.

Знакомство кн. Ивана съ этимъ Гришкою погубило его.

Когда схватили и пытали Гришку, онъ вспомнилъ свои разговоры съ кн. Иваномъ, невинные по содержанію, но достаточные въ то время, чтобы навлечь на него подозрѣніе.

Гришка показалъ, что какъ то, на Троицкомъ подворьѣ въ кремлѣ, бояринъ говорилъ ему: „бороды де брѣютъ, какъ де у меня бороду выбрѣютъ, что мнѣ дѣлать? А онъ де Гришка молвилъ кн. Ивану, — какъ де ты знаешь такъ и дѣлай... А въ другой разъ бояринъ у себя на дому говорилъ Гришкѣ:— Богъ де далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ; имали де меня въ Преображенское и на генеральномъ дворѣ Микита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты; и дали мнѣ для отреченья столбецъ (писаную бумагу) и по тому де письму я отрицался; и во отреченьи спрашивали: вмѣсто - вѣруешь ли—пьешь ли?; и тѣмъ де своимъ отреченьемъ я себя пуще бороды погубилъ, что не спорилъ. И лучше де было мнѣ

мученья вѣнецъ принять нежели было такое отреченье чинить“.

Смыслъ этихъ рѣчей боярина Ивана, увѣковѣченныхъ Гришкою, приблизительно слѣдующій.

Вопервыхъ, кн. Иванъ спрашивалъ совѣта Гришки относительно своей бороды, когда до него дошла ужасная вѣсть, что пріѣхавшій изъ заграницы царь (1698) обрѣзаетъ бороды всѣмъ придворнымъ. Затѣмъ онъ разсказывалъ, какъ его пригласили въ веселую компанію царя, въ село Преображенское, гдѣ Никита Моисеев. Зотовъ, - котораго Петръ въ шутку звалъ „патріархомъ пресбургскимъ, заяузскимъ и всего кукуя“ - [38]), изрядно выпивши, вздумалъ, въ шутовскомъ видѣ, представить чинъ посвященія въ митрополиты самого кн. Ивана, который, какъ извѣстно, только и дѣлалъ, что присутствовалъ на подобныхъ торжествахъ (тогда было 13 митрополитовъ). Кн. Иванъ, къ общему удовольствію, продѣлалъ всѣ кощунства, но по окончаніи попойки совѣсть его начала мучить, ему казалось, что онъ долженъ былъ пострадать, нежели поступаться своими убѣжденіями на потѣху другихъ.

Какъ человѣку холостому, ему не съ кѣмъ было подѣлиться своими задушевными мыслями, кромѣ случайныхъ знакомыхъ, развлекавшихъ его одиночество, что и привело его къ трагическому концу.

„Князь Иванъ сперва въ распросѣ говорилъ,—тѣ де слова онъ кн. Иванъ ему Гришкѣ говорилъ для того, что онъ Гришка его кн. Ивана словами обольстилъ.

А послѣ того, онъ же кн. Иванъ въ распросѣ и съ нимъ Гришкою въ застѣнкѣ на очной ставкѣ и съ подъему (въ пыткѣ) говорилъ:— тѣми де словами онъ Гришка его кн. Ивана поклепалъ напрасно за то, что говорилъ ему кн. Ивану онъ Гришка о дьяконѣ, который жилъ въ селѣ Горяхъ, чтобъ его поставить въ вотчину кн. Иванова въ село Ильинское въ попы, и онъ де ему въ томъ отказалъ. А что де онъ кн. Иванъ сперва въ распросѣ противъ тѣхъ Гришкиныхъ словъ винился, и то онъ сказалъ на себя напрасно въ торопяхъ.

А Гришка говорилъ: — о томъ де дьяконѣ, чтобъ ему быть въ вотчинѣ его въ селѣ Иль-

Museum Demidoff. Tom III. Pl. I.



Hôtel de son Ex. Paul de Demidoff où étoit autrefois placé son Muséum.

Фотот. П. Павлова.

Домъ П. Г. Демидова въ Москвѣ, Басман. ч., 1 кв., № 61, въ которомъ были собраны его художественныя коллекціи.

(Съ старинной гравюры изъ книги G. Fischer „Museum Demidoff" 1805).

Въ числѣ безчисленныхъ жертвъ, принесенныхъ въ это переходное время навстрѣчу подвигавшемуся прогрессу, суждено было пасть и кн. Ивану Хованскому.

Сосредоточившійся исключительно на обрядовой сторонѣ религіи, вложившій всю свою душу въ исполненіе казоваго благочестія, всегда—въ крестныхъ ходахъ и на различныхъ дѣйствахъ—на виду у толпы: истово молящійся, повидимому съ длинной бородой, бритье которой казалось ему грѣхомъ смертнымъ, кн. Иванъ съ изумленіемъ замѣчалъ, что геніальный, но нетерпѣливый Петръ, считаетъ эти внѣшніе признаки истинно русскаго человѣка, спѣсивымъ невѣжествомъ, клавшимъ преграду къ сближенію съ западомъ, а потому подвергаются съ его стороны безпощадному преслѣдованію и осмѣянію.

Такое неслыханное отношеніе царя къ тому, что народъ привыкъ считать святымъ и неприкосновеннымъ, породило мнѣніе и въ толпѣ, что Петръ никто иной, какъ воплощенный антихристъ. Однимъ изъ выразителей этого мнѣнія былъ нѣкто Гришка Талицкій, написавшій книгу съ доказательствами изъ апокалипсиса.

Знакомство кн. Ивана съ этимъ Гришкою погубило его.

Когда схватили и пытали Гришку, онъ вспомнилъ свои разговоры съ кн. Иваномъ, невинные по содержанію, но достаточные въ то время, чтобы навлечь на него подозрѣніе.

Гришка показалъ, что какъ то, на Троицкомъ подворьѣ въ кремлѣ, бояринъ говорилъ ему: „бороды де брѣютъ, какъ де у меня бороду выбрѣютъ, что мнѣ дѣлать? А онъ де Гришка молвилъ кн. Ивану,—какъ де ты знаешь такъ и дѣлай... А въ другой разъ бояринъ у себя на дому говорилъ Гришкѣ:—Богъ де далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ; имали де меня въ Преображенское и на генеральномъ дворѣ Микита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты; и дали мнѣ для отреченья столбецъ (писаную бумагу) и по тому де письму я отрицался; и во отреченьи спрашивали: вмѣсто—вѣруешь ли—пьешь ли?; и тѣмъ де своимъ отреченьемъ я себя пуще бороды погубилъ, что не сподилъ. И лучше де было мнѣ

мученья вѣнецъ принять нежели было такое отреченье чинить".

Смыслъ этихъ рѣчей боярина Ивана, увѣковѣченныхъ Гришкою, приблизительно слѣдующій.

Вопервыхъ, кн. Иванъ спрашивалъ совѣта Гришки относительно своей бороды, когда до него дошла ужасная вѣсть, что пріѣхавшій изъ заграницы царь (1698) обрѣзаетъ бороды всѣмъ придворнымъ. Затѣмъ онъ разсказывалъ, какъ его пригласили въ веселую компанію царя, въ село Преображенское, гдѣ Никита Моисеев. Зотовъ,—котораго Петръ въ шутку звалъ „патріархомъ пресбургскимъ, заяузскимъ и всего кукуя"—[28]), изрядно выпивши, вздумалъ, въ шутовскомъ видѣ, представить чинъ посвященія въ митрополиты самого кн. Ивана, который, какъ извѣстно, нерѣдко и дѣлалъ, что присутствовалъ на подобныхъ торжествахъ (тогда было 13 митрополитовъ). Кн. Иванъ, къ общему удовольствію, продѣлалъ всѣ кощунства, но по окончаніи попойки совѣсть его начала мучить, ему казалось, что онъ долженъ былъ пострадать, нежели поступаться своими убѣжденіями на потѣху другихъ.

Какъ человѣку холостому, ему не съ кѣмъ было подѣлиться своими задушевными мыслями, кромѣ случайныхъ знакомыхъ, развлекавшихъ его одиночество, что и привело его къ трагическому концу.

„Князь Иванъ сперва въ распросѣ говорилъ,—тѣ де слова онъ кн. Иванъ ему Гришкѣ говорилъ для того, что онъ Гришка его кн. Ивана словами обольстилъ.

А послѣ того, онъ же кн. Иванъ въ распросѣ и съ нимъ Гришкою въ застѣнкѣ на очной ставкѣ и съ подъему (съ пытки) говорилъ:—тѣми де словами онъ Гришка его кн. Ивана поклепалъ напрасно за то, что говорилъ ему кн. Ивану онъ Гришка о дьяконѣ, который жилъ въ селѣ Глинкахъ, чтобъ его поставить въ вотчину кн. Иванова въ село Ильинское въ попы, и онъ де ему въ томъ отказалъ. А что де онъ кн. Иванъ сперва въ распросѣ противъ тѣхъ Гришкиныхъ словъ винился, и то онъ сказалъ на себя напрасно въ торопяхъ.

А Гришка говорилъ:—о томъ де дьяконѣ, чтобъ ему быть въ вотчинѣ его въ селѣ Иль-

Museum_Demidoff. Tom III. Pl. I.



del. et sc. A. Gratschow.

Hôtel de son Ex. Paul de Demidoff
où étoit autrefois placé son Muséum.

Фотог. П. Павлова.

Домъ П. Г. Демидова въ Москвѣ, Басман. ч., 1 кв., № 61, въ которомъ были собраны его художественныя коллекціи.

(Съ старинной гравюры изъ книги G. Fischer „Museum Demidoff" 1806).

инскомъ въ попахъ говорилъ, и онъ де его не принялъ и вышеписанными словами онъ Гришка на него кн. Ивана за того діакона не поклепалъ и говорилъ на него кн. Ивана точно, отъ него кн. Ивана слышавъ.

И означенный кн. Иванъ, будучи подъ карауломъ, умре" (15 Марта 1701).

А Гришку казнили ужасной казнью: копченіемъ на медленномъ огнѣ [39]).

Земельное состояніе кн. Ивана и Петра Ивановичей Хованскихъ.

1661—1716.

Послѣ трагической смерти кн. Ивана, послѣдовавшей подъ карауломъ (а. 15 Марта 1701), кн. Петръ, черезъ полторы недѣли (а. 26 Марта), подалъ челобитную царю, чтобы, „всѣ помѣстья и вотчины брата его, — родовыя, выслуженныя и вымѣненныя — 3128 четей (4692 дес.) съ 564 дворами крестьянъ (около 2200 душъ) отказать ему холопу Петрушкѣ" [20]).

Уже 11 Апрѣля, думный дьякъ съ товарищами приговорили справить за нимъ указанное имущество. Быстрота, съ которой произошелъ отказъ, показываетъ вліяніе кн. Хованскаго при дворѣ и взглядъ царя на невиновность кн. Ивана, случайно замѣшаннаго въ дѣло Гришки Талицкаго.

При отказѣ наслѣдства село Леоново продолжало называться помѣстьемъ, а деревня Казѣево вотчиной.

Хотя помѣстная система къ концу семнадцатаго столѣтія постепенно замирала, но съ внѣшней стороны она имѣла всѣ признаки жизни.

По прежнему, служилымъ людямъ жаловались въ награду ихъ прежнія помѣстья въ вотчины; по прежнему, получали они новыя помѣстныя земли; и по прежнему, продолжали они свое комичное исканіе воздѣланной землицы въ счетъ ихъ номинальныхъ помѣстныхъ окладовъ.

Взятое кн. Петромъ въ приданое, за второй своей женой — Анной Кондратьевной, (вдовой Ивана Федоровича Погожева), помѣстье, пожаловано ему, въ награду за вѣчный миръ съ польскимъ королемъ (1686), въ вотчину [40]).

Въ (а) 1699 году оба брата, кн. Иванъ и Петръ, получили въ Симбирскомъ уѣздѣ по 650 четей (975) въ помѣстье (а сыну Петра — Алексѣю, дано 100 четей).

Когда кн. Петръ женилъ, въ 1710 году, сына Василія на Толоченовой и узналъ, что у новой родни его „у вдовы съ дѣвками осталось за прожиткомъ 27 четей съ осьминою", онъ тотчасъ же, не брезгуя малымъ количествомъ, началъ бить челомъ царю, чтобы ему „то достальное помѣстье, отдать въ помѣстье".

А самъ же, въ 1713 году, продавая сельцо Петровское въ Данковскомъ уѣздѣ — 389 четей (583 дес.) за 1300 рублей (11700 р.) — называетъ его по новому „недвижимымъ имѣніемъ".

Съ 1714 году сгладилась окончательно разница между вотчинами и помѣстьями. За служилыми людьми, однимъ почеркомъ пера, безъ всякаго выкупа, оставлены всѣ помѣстныя земли, (считавшіяся юридически государственными), въ вѣчное ихъ владѣніе.

Несмотря на общее довольство дворянъ землевладѣльцевъ, эта перемѣна нарушила покой кн. Петра при его послѣднихъ годахъ жизни.

Когда онъ захворалъ параличною болѣзнью (а. 1711) и у него отнялась правая рука, безъ нарушенія ума, онъ рѣшилъ, по старинному обычаю, распредѣлить все свое земельное имущество между женой, дѣтьми и внучатами. Онъ велѣлъ переписать свой черновой проектъ раздѣла, подписать сыну Василію и подать въ Помѣстный приказъ. Но ходу его челобитія не было дано. Указъ Петра Великаго о майоратахъ (1714) не допускалъ дробленія имущества, которое должно было сосредоточиться въ рукахъ старшаго.

Вслѣдствіе этого, послѣ смерти кн. Петра, (а. 1716) три четверти его недвижимаго имущества, состоявшаго изъ 7699 четей (11550 дес.), досталась его сыну Василію, а одна четверть женѣ. Дѣтямъ же умершихъ сыновей — Алексѣя — дочери Авдотьѣ, и Андрея — сыну Никитѣ и дочери Марьѣ, дано только изъ трехъ четвертей движимаго имущества, согласно указу.

Оберпрезидентъ кн. Василій Петровичъ Хованскій. Неудачная женитьба.

1694—1746.

Сынъ боярина Петра Ивановича Хованскаго (меньшого) отъ второго его брака, молодой кн. Василій является представителемъ новаго „Петровскаго“ времени [35]).

Онъ не имѣетъ чиновъ старой Руси, не уничтоженныхъ царемъ, но сошедшихъ въ могилы вмѣстѣ съ отцами ихъ носившими. А какъ и самый родъ его службы „морского офицера“ мало понятенъ для русскихъ, такъ и чины у него всё неслыханные, заморскіе.

То онъ плаваетъ близъ Ревеля, на молодомъ русскомъ флотѣ, съ чиномъ унтерлейтенанта (а. 1717), то извѣстенъ, какъ штальмейстеръ (а. 1627), затѣмъ—камергеръ и кавалеръ, а въ послѣдніе три года состоитъ оберпрезидентомъ главнаго магистрата въ Москвѣ (1743).

То мучительное недоумѣніе, которое испытывало большинство русскихъ, охваченное потокомъ нахлынувшей съ запада новизны—во взглядахъ и во всемъ жизненномъ строѣ—повидимому имѣло нѣкоторое отношеніе къ событію въ его семейной жизни.

Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, (а. 1710) его женили на богатой невѣстѣ, на одной изъ дочерей стольника Василія Семеновича Толоченова, убитаго въ первомъ походѣ подъ Ругодевомъ (Нарвою), Марьѣ Васильевнѣ [20]). (Тогда какъ ея сестра, семнадцатилѣтняя Анастасья, почти одновременно вышла замужъ за шестнадцатилѣтняго кн. Серг. Алексѣев. Голицына [41]).

Но бракъ кн. Василія не былъ удаченъ.

Начиная съ того, что черезъ два года послѣ женитьбы (1712), по приказу царя, почтеннаго мужа, получившаго уже церковное образованіе, принуждаютъ ходить въ новую заморскую „цесарскую“ школу, (помѣщавшуюся на Ильинкѣ на новгородскомъ подворьѣ), для изученія цесарскаго, шведскаго и латинскаго языка у выписаннаго изъ за моря учителя Бретшнейдера [42]).

Мужъ въ роли школьника, со своими школьными выходками, могъ непріятно озадачить

молодую, воспитанную въ правилахъ изъ Домостроя. А затѣмъ его долгія отлучки изъ дому, въ плаваніи по непонятной морской стихіи, въ невѣдомыхъ мѣстахъ; его легкомысленное отношеніе къ церковнымъ обрядамъ, которое онъ проявлялъ, идя слѣдомъ за придворной молодежью, могло также подѣйствовать удручающимъ образомъ на набожную и слабую княжну Марью. Душевныя муки ея настолько обострились, что она, черезъ восемь лѣтъ послѣ замужства, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, безъ его вѣдома, постриглась въ монахини въ Страстномъ монастырѣ (а. 1718).

Еще за годъ передъ тѣмъ, видимо готовясь къ этому шагу, она самостоятельно продала свою Бѣлевскую вотчину въ Кіевск. губ. въ 558 четей (837 д.) за 2000 рублей (18000). Послѣ же ея смерти (1729) все имущество перешло къ ея сестрѣ, кн. Голицыной, за то, что она „сестру поила и кормила, запасомъ и деньгами довольствовала, когда та жила въ монастырѣ“. Князь же Василій не могъ быть челобитчикомъ даже въ четвертой части женинаго имущества, согласно крѣпостному обязательству, выданному его матерью княгинѣ Голицыной, безъ его вѣдома. (При томъ подписанному, за безграмотностью только княгини, отцемъ ея духовнымъ и подкрѣпленному неустойкой въ 2000 рублей (18000 р.).

За второй женой кн. Василія (около 1719) Екатериной Петровной Шафировой, дочерью барона Шафирова, извѣстнаго вице канцлера Петра Великаго, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, приданыхъ имѣній не было.

Можно думать, что бракъ съ Шафировой явился прямымъ послѣдствіемъ желанія кн. Василія видѣть около себя женщину болѣе образованную и развитую, нежели было тогда большинство русскихъ. Морская служба имѣла за собой то преимущество, что дала ему возможность видѣть чужіе края, а потому сознательнѣе отнестись къ культурной жизни запада.



Ризположенская церковь въ Леоновѣ.
(фот. 1894 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Дворецъ П. Г. Демидова въ Леоновѣ, передѣланный на дачи.
(фот. 1894 г. Вл. Капустина).

Оберпрезидентъ кн. Василій Петровичъ Хованскій. Неудачная женитьба.

1694—1746.

Сынъ боярина Петра Ивановича Хованскаго (к[illegible]юго) отъ второго его брака, молодой кн. Василій является представителемъ новаго „Петровскаго" времени [19]).

Онъ не имѣетъ чиновъ старой Руси, не уничтоженныхъ царемъ, но сошедшихъ въ могилы вмѣстѣ съ отцами ихъ носившими. А какъ и самый родъ его службы „морского офицера" мало понятенъ для русскихъ, такъ и чины у него всё неслыханные, заморскіе.

То онъ плаваетъ близъ Ревеля, на молодомъ русскомъ флотѣ, съ чиномъ унтерлейтенанта (а. 1717), то извѣстенъ, какъ штальмейстеръ (а. 1627), затѣмъ—камергеръ и кавалеръ, а въ послѣдніе три года состоитъ оберпрезидентомъ главнаго магистрата въ Москвѣ (1743).

То мучительное недоумѣніе, которое испытывало большинство русскихъ, охваченное потокомъ нахлынувшей съ запада новизны—во взглядахъ и во всемъ жизненномъ строѣ—повидимому имѣло нѣкоторое отношеніе къ событію въ его семейной жизни.

Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, (а. 1710) его женили на богатой невѣстѣ, на одной изъ дочерей стольника Василія Семеновича Толоченова, убитаго въ первомъ походѣ подъ Ругодевомъ (Нарвою), Марьѣ Васильевнѣ [20]). (Тогда какъ ея сестра, семнадцатилѣтняя Анастасья, почти одновременно вышла замужъ за шестнадцатилѣтняго кн. Серг. Алексѣев. Голицына [21]).

Но бракъ кн. Василія не былъ удаченъ.

Начиная съ того, что черезъ два года послѣ женитьбы (1712), по приказу царя, почтеннаго мужа, получившаго уже церковное образованіе, принуждаютъ ходить въ новую заморскую „цесарскую" школу, (помѣщавшуюся на Ильинкѣ на новгородскомъ подворьѣ), для изученія цесарскаго, шведскаго и латинскаго языка у выписаннаго изъ за моря учителя Бретшнейдера [22]).

Мужъ въ роли школьника, со своими школьными выходками, могъ непріятно озадачить

молодую, воспитанную въ правилахъ изъ Домостроя. А затѣмъ его долгія отлучки изъ дому, въ плаваніи по непонятной морской стихіи, въ невѣдомыхъ мѣстахъ; его легкомысленное отношеніе къ церковнымъ обрядамъ, которое онъ проявлялъ, идя слѣдомъ за придворной молодежью, могло также подѣйствовать удручающимъ образомъ на набожную и слабую княжну Марью. Душевныя муки ея настолько обострились, что она, черезъ восемь лѣтъ послѣ замужства, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, безъ его вѣдома, постриглась въ монахини въ Страстномъ монастырѣ (а. 1718).

Еще за годъ передъ тѣмъ, видимо готовясь къ этому шагу, она самостоятельно продала свою Бѣлевскую вотчину въ Кіевск. губ. въ 558 четей (837 д.) за 2000 рублей (18000). Послѣ же ея смерти (1729) все имущество перешло къ ея сестрѣ кн. Голицыной, за то, что она „сестру поила и кормила, запасомъ и деньгами довольствовала, когда та жила въ монастырѣ". Князь же Василій не могъ быть челобитчикомъ даже въ четвертой части жениного имущества, согласно крѣпостному обязательству, выданному его матерью княгинѣ Голицыной, безъ его вѣдома. (При томъ подписанному, за безграмотностью только княгини, отцемъ ея духовнымъ и подкрѣпленному неустойкой въ 2000 рублей (18000 р.).

За второй женой кн. Василія (около 1719) Екатериной Петровной Шафировой, дочерью барона Шафирова, извѣстнаго вице канцлера Петра Великаго, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, приданыхъ имѣній не было.

Можно думать, что бракъ съ Шафировой явился прямымъ послѣдствіемъ желанія кн. Василія видѣть около себя женщину болѣе образованную и развитую, нежели было тогда большинство русскихъ. Морская служба имѣла за собой то преимущество, что дала ему возможность видѣть чужіе края, а потому сознательнѣе отнестись къ культурной жизни запада.



Ризположенская церковь въ Леоновѣ.
(фот. 1894 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Дворецъ П. Г. Демидова въ Леоновѣ, передѣланный на дачи.
(фот. 1894 г. Вл. Капустина).

6

Капиталъ кн. Василія Петровича Хованскаго. 1746.

Несмотря на то, что помѣстная система окончательно прекратила свое существованіе, что служилые люди перестали получать даровые участки земли, подъ видомъ временнаго владѣнія, богатство кн. Василія, послѣ раздѣла его съ матерью (а. 1721), продолжало возрастать. Вслѣдствіе новыхъ условій пріобрѣтенія земли (не дачей, а куплей), а также вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, прежнія помѣстья и вотчины, перешедшія къ нему отъ дѣда и отца, съ каждымъ годомъ пріобрѣтали всё бо́льшую и бо́льшую цѣнность. Независимо отъ этого и личная предпріимчивость вельможи, возбужденная новымъ временемъ, но къ сожалѣнію направленная на эксплуатацію всё тѣхъ же слабостей народа, способствовала накопленію его богатства.

Послѣ его смерти (29 Декабря 1746, передъ самой свадьбой дочери Натальи, сговоренной за кн. П. Н. Трубецкого) годовой доходъ съ оставшагося имущества опредѣлялся въ 14700 руб. (147000), изъ коихъ главная часть падала на винный заводъ, устроенный имъ въ своемъ Симбирскомъ имѣніи (11550 р. т. е. 115500), а общая сумма капитала выражалась въ 168.000 руб. (1,680.000).

Передъ нами *) любопытный документъ опредѣленія капитала кн. Василія, при коемъ совершенно игнорировалась цѣнность земли и крещеной собственности—въ составѣ 4742 душъ—а принимался въ расчетъ лишь денежный доходъ съ имущества, капитализировавшійся (кромѣ подмосковнаго Леонова) изъ десяти процентовъ. При такомъ странномъ способѣ вычисленія не упомянуты совсѣмъ Суздальскія деревни кн. Д. М. Пожарскаго съ 2281 душей, вскорѣ поступившія въ раздѣлъ наслѣдственныхъ частей. Такъ, при выдѣлѣ малолѣтняго Василія (1760), объ данныхъ ему 26 деревень въ Суздальск. у. было упомянуто: „731 душа крѣпостныхъ, оброку денежнаго всегда исправно платятъ 2172 р. (21720) въ годъ“.

Кощунственная выходка родовитой молодежи является поводомъ къ постройкѣ каменной церкви въ Леоновѣ. 1719—1722.

Въ числѣ имѣній, перешедшихъ къ князю Василію послѣ раздѣла его съ матерью, было и подмосковное Леоново.

Усиленный приливъ иностранцевъ въ Россію, вызванный Петромъ Великимъ, отразился благопріятно на развитіи у насъ садовъ и парковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что къ этому времени, близкому къ „Петровскому“, относится основаніе въ Леоновѣ липоваго парка или „регулярнаго сада“, громадныя деревья котораго и по сю пору представляются намъ величественными, но скромными свидѣтелями о минувшемъ.

Вмѣсто ветхой деревянной церкви, простоявшей девяносто лѣтъ, кн. Василій выстроилъ новую каменную (заложена въ 1719, освящена въ Іюню 1722).

Нѣкоторыя подробности, имѣющія отношеніе къ построенію этой церкви, явившейся повидимому искупительной жертвой шалости родовитой молодежи,-шалости очень характерной для высшаго общества переходнаго Петровскаго времени, мы находимъ въ дневникѣ Берхгольца, камеръюнкера герцога Голштинскаго, (жениха Анны, дочери Петра Великаго), прожившаго лѣто (1722) на дачѣ въ сосѣднемъ Свибловѣ.

„Молодой кн. Хованскій, зять стараго барона Шафирова, года два тому назадъ, пригласилъ въ одно изъ своихъ имѣній (кромѣ Леонова въ другихъ подмосковныхъ имѣніяхъ князя церквей не было) нѣсколько молодыхъ русскихъ князей и дворянъ. Гости напоили его до безчувствія, одѣли какъ мертвеца, положили въ найденный тамъ настоящій гробъ, отнесли въ церковь, поставили передъ алтаремъ и совершили надъ нимъ всѣ употребительныя у русскихъ похоронные обряды, но оскорляющимъ религію образомъ... Мало того, они, какъ разсказываютъ, обошлись непочтительно и съ церковными сосудами,

въ особенности съ чашей. Покончивъ всѣ эти шалости, они ушли, оставивъ его въ гробу предъ алтаремъ, гдѣ онъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока не пришли церковнослужители (тогдабылъ попъ Филиппъ Леонтьевъ) и не вынесли его изъ церкви. Самъ Хованскій стыдился разсказывать о случившемся и охотно скрылъ бы все это дѣло, но оно дошло до его тестя Шафирова, который пожаловался императору и довелъ до того, что всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ были приговорены къ смерти. Однако государь смягчилъ приговоръ, приказавъ всѣхъ участниковъ жестоко наказать тѣлесно въ своемъ присутствіи" [43]).

Вдова кн. Василія—Екатерина Петровна Хованская, урожденная Шафирова.

1746—1748.

Въ то переходное время, когда геніальный царь, въ своемъ стремленіи подвести Россію подъ уровень запада, проявлялъ варварскую жестокость, каждый вельможа рисковалъ потерять свою голову.

Самъ баронъ Шафировъ, отецъ Екатерины Петровны Хованской, чуть было не погубившій цѣлую компанію родовитой, но пьяной молодежи, заживо отпѣвшей кн. Василія и пересолившей только то, что самъ Петръ, девятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ компаніи Зотова, продѣлалъ надъ несчастнымъ бояриномъ Хованскимъ, когда, оскорбляющимъ религію образамъ, посвящалъ его въ митрополиты, (что очевидно было тогда въ модѣ); - самъ баронъ Шафировъ, черезъ четыре года послѣ описаннаго случая (1723), за выдачу лишней суммы, долженъ былъ взойти на эшафотъ, вынести муки ожиданія смерти и неожиданно, при ударѣ топора, отправиться въ ссылку.

Свекра же сестры Екатерины Петровны, сибирскаго губернатора, богатѣйшаго вельможу кн. Гагарина, уличеннаго во взяточничествѣ, безъ церемоніи повѣсили на площади Петербурга, гдѣ онъ висѣлъ цѣлыя недѣли къ ужасу жителей новорожденной столицы [45]).

Цѣлый рядъ душевныхъ потрясеній, вынести которыя пришлось княгинѣ Хованской

при описанныхъ событіяхъ съ мужемъ, отцемъ и сестрой, могли еще съ молоду потрясти ея организмъ.

Послѣ смерти мужа она едва прожила полтора года и скончалась 20 Мая 1748, оставивъ многочисленную непристроенную семью.

Раздѣлъ семьи кн. Хованскихъ. Продажа Леонова съ аукціона.

1748—1762—1767.

Громадная семья кн. Хованскихъ, оставшаяся послѣ смерти далеко не старыхъ родителей, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: подпоручиковъ Александра и Петра, сержантовъ Юрія и Михаила, дѣвицы Анны („всѣмъ большая") кадетовъ Николая и Алексѣя, и малолѣтнихъ Василія и Марьи, а всего (не считая замужней Натальи) —девять человѣкъ юридическихъ владѣльцевъ Леонова.

Большіе доходы обезпечивали семьѣ широкую жизнь, конечно при извѣстной расчетливости, которая едва ли могла быть у молодежи, занятой военной службой.

Распаденіе состоянія, накапливавшагося около 130 лѣтъ, началось выдѣломъ изъ наслѣдства старшаго Александра, (1750), за которымъ послѣдовали другіе члены семьи.

При каждомъ выдѣлѣ давалась подписка, что старшіе братья должны будутъ „удовольствовать малолѣтнихъ, ежели они придя въ возрастъ будутъ чѣмъ недовольны". Но для наблюдателей становилось все яснѣе, что малолѣтнимъ Василію и Марьѣ, задолго до ихъ зрѣлости наслѣдственнаго имущества не хватитъ. Открылось, что распоряжавшіеся всѣмъ, Петръ и Юрій, заложили часть крѣпостныхъ за треть стоимости (т.-е. по 10 рублей, а цѣна была 30 р. (300)), и за безденежьемъ оставили ихъ въ уплату долга. Въ защиту интересовъ младшихъ, императрица Елизавета Петровна назначила комиссію, которая и закончила раздѣлъ (1760) [20]).

Леоново съ Казѣевымъ, заложенное еще ранѣе (1758) въ новорожденномъ Московскомъ Университетѣ за 10872 р. 96 к., перешло къ Петру и Юрію.

Новые хозяева, не надѣясь на выкупъ, до такой степени запустили свое подмосковное помѣстье, гдѣ еще недавно жизнь велась на широкую барскую ногу, что поручитель университетскаго долга, двоюродный братъ ихъ, графъ Николай Александр. Головинъ, подалъ (1761) въ государственный банкъ для дворянства, (куда наконецъ нашли болѣе приличнымъ перевести долгъ молодыхъ князей), заявленіе: „о немедленной продажѣ Леонова съ аукціона, такъ какъ ему, поручителю, угрожаетъ опасность потери“.

„При закладѣ оное имѣніе состояло въ хорошемъ порядкѣ, а нынѣ по близости живущіе сторонніе люди, рощи рубятъ, изъ прудовъ рыбу ловятъ, хлѣбъ жнутъ, сѣно косятъ и увозятъ и чинятъ имѣнію великое разореніе.“

Посѣтившій Леоново (1762) прапорщикъ запаса—Яковъ Захаровъ, оставилъ намъ печальную картину, усиленную его оригинальной манерой описывать съ подчеркиваніемъ того, чего не было.

„Въ конюшенномъ дворѣ (на 20 стоилъ и 12 денниковъ), какъ стоялыхъ коней, такъ и прочихъ лошадей ничего нѣтъ. Въ скотномъ дворѣ коровъ, овецъ, свиней, а также птицъ—гусей, утокъ, куръ индѣйскихъ и русскихъ—ничего нѣтъ. Въ двухъ житницахъ хлѣба господскаго—ржи, пшеницы, ячменя, овса и прочаго-ничего не имѣется. Въ господскомъ домѣ провалился потолокъ. А подъ онымъ селомъ, близъ рѣки Яузы, въ лугу прудъ (87×27 с.), а въ немъ имѣлась рыба разныхъ породъ, а нынѣ ничего нѣтъ. На другой сторонѣ Яузы два пруда, съ прорубленной между ними плотиной и спущенные“.

За то въ Ризположенской церкви оставалась въ цѣлости вся богатая утварь, подъ наблюденіемъ священника, дьякона, дьячка и пономаря. Между прочимъ значился „престольный образъ Положенія Честныхъ Ризъ весь серебряный, чеканный, риза вынизана жемчугомъ среднимъ и крупнымъ, подвѣсъ жемчужный изъ десяти нитокъ.“

Въ Казѣевѣ замѣчалась зажиточность и довольство крестьянъ, судя по обилію скота въ каждомъ домѣ [46]).

(а) 12 Іюля 1762 въ судейскую палату при

банкѣ, впущены были на аукціонъ разныхъ чиновъ люди и при троекратномъ ударѣ молотка послѣднюю цѣну, 7505 рублей, за Леоново объявилъ... лейбгвардіи капитанъ, кн. Александръ Васильевичъ Хованскій, видимо не желавшій такъ легко разстаться съ подмосковнымъ помѣстьемъ своего прадѣда [11]).

Но трудно было бороться съ временемъ, все энергичнѣе выдвигавшемъ,на смѣну родовитой аристократіи, новыхъ людей, вооруженныхъ образованіемъ и капиталомъ.

5 Іюля 1767 кн. Александръ, послѣдній изъ рода Хованскихъ, провладѣвшихъ Леоновымъ 140 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, золотя пилюлю, устроилъ повидимому обѣдъ, на которомъ 28 человѣкъ гостей изъ высшаго общества (изъ коихъ 10 князей), увѣковѣчили свои имена на запродажной купчей Леонова, запроданнаго дворянину Павлу Григорьевичу Демидову за 9200 р. (+ 10% пошлины) [47]).

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, основатель Ярославскаго лицея, жилъ въ Леоновѣ 54 года.

1767—1821.

Наступило время, когда и въ Россіи, хотя на отдѣльныхъ личностяхъ, можно было замѣтить первые признаки надвигавшейся демократіи. Уже все чаще появлялись люди изъ низшихъ слоевъ общества, располагавшіе нѣкоторой силой и вліяніемъ, благодаря своимъ личнымъ способностямъ, образованію и денежнымъ средствамъ; тогда какъ до Петра, силу и вліяніе могли имѣть лишь тѣ, кто примыкалъ къ заколдованнымъ линіямъ знатныхъ родовъ.

Передъ нами одинъ изъ представителей этого новаго времени—новый владѣлецъ Леонова — Павелъ Григорьевичъ Демидовъ. Родился онъ 29 Декабря 1738, купилъ Леоново 5 Іюля 1767 и, послѣ 54 лѣтняго владѣнія, умеръ въ любимомъ имѣніи 1 Іюля 1821, на 83 году отъ рожденья.

По званію дворянинъ, Демидовъ имѣлъ прадѣда простого крестьянина кузнеца, сумѣвшаго сдѣлать первое русское ружье и на этомъ основавшаго свое благосостояніе. Отецъ Де-

мидова, богатый владѣлецъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ сумѣлъ дать сыну, въ восемнадцатомъ столѣтіи, такое блестящее образованіе, которому можно бы позавидовать и въ новѣйшее время. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ въ Ревелѣ, въ чужихъ людяхъ, учится нѣмецкому и латинскому языку, шестнадцати посѣщаетъ германскіе университеты, семнадцати вмѣстѣ съ братьями предпринимаетъ цѣлый рядъ образовательныхъ путешествій по Европѣ.

Вернувшись въ Россію, Демидовъ недолго прилагаетъ къ дѣлу свои обширныя горнозаводскія познанія. Предоставивъ управленіе заводами братьямъ, самъ онъ, вскорѣ послѣ смерти жены, (когда ему было 28 лѣтъ,) уединяется въ подмосковномъ имѣніи Леоновѣ, гдѣ и посвящаетъ все свое время „философскому уединенію, ученому наблюденію надъ природой, коллекціонированію художественныхъ предметовъ, монетъ, книгъ, разнообразя его игрой на скрипкѣ и на органѣ, а лѣтомъ увлекаясь садоводствомъ и лѣсоводствомъ“.

Приводимъ отзывъ современника Демидова помѣщенный въ 1821 г. въ Вѣстникѣ Европы, объ его отношеніи къ Леонову.

„Какъ страстный любитель природы, Павелъ Григорьевичъ въ среднее время своей жизни, большую часть года, проводилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Леоновѣ, а чтобы и зимой любоваться зеленью деревъ, насадилъ не одну тысячу сосенъ и елей, выписывалъ кедру, лиственницу и пихту, которыя и теперь можно видѣть въ Леоновѣ. Садъ Демидова былъ наполненъ растеніями, большею частью достопримѣчательными по какимъ-либо особливымъ явленіямъ, кои онъ наблюдалъ весьма тщательно и всегда съ великимъ удовольствіемъ. Въ хорошіе дни лѣтніе проводилъ по нѣсколько часовъ всегда почти одинъ, любуясь природою. Въ такомъ случаѣ нужна ему была тишина совершенная, даже голоса птицъ его безпокоили“.

Съ годами чуткость одинокаго Демидова ко всякаго рода шуму приняла характеръ болѣзненности. Онъ не только не могъ выносить звона колоколовъ своей Ризположенской церкви, (которую по его ходатайству и за-

крыли въ 1800 г.), но какъ указано современникомъ, и что подтверждается разсказами его бывшихъ крестьянъ деревни Казѣева, онъ не выносилъ даже пѣнія птицъ и кваканья лягушекъ, вслѣдствіе чего его крѣпостные должны были исполнять оригинальную работу „на барщинѣ“ въ Леоновѣ: бить лягушекъ и ловить въ паркѣ птицъ.

Однако отличное образованіе и воспитаніе, при строгомъ и умѣренномъ образѣ жизни, не только спасаютъ его душу отъ разложенія, но даютъ ему возможность накопить въ себѣ столько нравственной силы, чтобы разстаться, за восемнадцать лѣтъ до смерти, со всѣми своими богатѣйшими коллекціями, большею частью денежныхъ средствъ и громадными имѣніями–на пользу просвѣщенія.

„Не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія на пользу учащихся... Считая, что просвѣщеніе есть первая степень благосостоянія государства, я съ давнихъ поръ часть доходовъ отлагалъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго заведенія“. Писалъ онъ въ 1803 г. Цѣлый рядъ университетовъ считаютъ его своимъ жертвователемъ, а Ярославскій Демидовскій лицей обязанъ всецѣло ему своимъ возникновеніемъ и до сихъ поръ служитъ памятникомъ его благородному порыву [48]).

Владѣльцы Леонова.

1821—1871.

Волна промышленной предпріимчивости, какъ слѣдствіе новаго тарифа (1822), захлеснула подмосковную мѣстность, не миновавъ и Леоново.

Прошло то время, когда приказной дѣлецъ пахалъ здѣсь землю ради своего кормленія на службѣ государевой; когда бояринъ пріѣзжалъ въ свое подмосковное помѣстье для отдыха отъ ратныхъ дѣлъ; когда просвѣщенный богачъ съ восторгомъ созерцалъ красоты здѣшней природы. Наступило иное время: начало промышленнаго развитія страны, когда все чаще появлялись люди, выбивавшіеся изъ простыхъ разночинцевъ, по копейкамъ соста-



Вѣковой кедръ въ Леоновѣ, посаженный П. Г. Демидовымъ.

(фот. 1907 г. Вл. Капустина).

Фотог. П. Павлова.

Уголокъ Леонова, вдоль новой линіи Московской Окружной жел. дор.

(фот. 1906 г. Вл. Капустина).

мидова, богатый владѣлецъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ сумѣлъ дать сыну, въ восемнадцатомъ столѣтіи, такое блестящее образованіе, которому можно бы позавидовать и въ новѣйшее время. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ въ Ревелѣ, въ чужихъ людяхъ, учится нѣмецкому и латинскому языку, шестнадцати посѣщаетъ германскіе университеты, семнадцати вмѣстѣ съ братьями предпринимаетъ цѣлый рядъ образовательныхъ путешествій по Европѣ.

Вернувшись въ Россію, Демидовъ недолго прилагаетъ къ дѣлу свои обширныя горнозаводскія познанія. Предоставивъ управленіе заводами братьямъ, самъ онъ, вскорѣ послѣ смерти жены, (когда ему было 28 лѣтъ,) уединяется въ подмосковномъ имѣніи Леоновѣ, гдѣ и посвящаетъ все свое время „философскому уединенію, ученому наблюденію надъ природой, коллекціонированію художественныхъ предметовъ, монетъ, книгъ, разнообразя его игрой на скрипкѣ и на органѣ, а лѣтомъ увлекаясь садоводствомъ и лѣсоводствомъ“.

Приводимъ отзывъ современника Демидова помѣщенный въ 1821 г. въ Вѣстникѣ Европы, объ его отношеніи къ Леонову.

„Какъ страстный любитель природы, Павелъ Григорьевичъ въ среднее время своей жизни, большую часть года, проводилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Леоновѣ, а чтобы и зимой любоваться зеленью деревъ, насадилъ не одну тысячу сосенъ и елей, выписывалъ кедру, лиственницу и пихту, которыя и теперь можно видѣть въ Леоновѣ. Садъ Демидова былъ наполненъ растеніями, большею частью достопримѣчательными по какимъ-либо особливымъ явленіямъ, кои онъ наблюдалъ весьма тщательно и всегда съ великимъ удовольствіемъ. Въ хорошіе дни лѣтніе проводилъ по нѣсколько часовъ всегда почти одинъ, любуясь природою. Въ такомъ случаѣ нужна ему была тишина совершенная, даже голоса птицъ его безпокоили“.

Съ годами чуткость одинокаго Демидова ко всякаго рода шуму приняла характеръ болѣзненности. Онъ не только не могъ выносить звона колоколовъ своей Ризположенской церкви, (которую по его ходатайству и закрыли въ 1800 г.), но какъ указано современникомъ, и что подтверждается разсказами его бывшихъ крестьянъ деревни Казѣева, онъ не выносилъ даже пѣнія птицъ и кваканья лягушекъ, вслѣдствіе чего его крѣпостные должны были исполнять оригинальную работу „на барщинѣ“ въ Леоновѣ: бить лягушекъ и ловить въ паркѣ птицъ.

Однако отличное образованіе и воспитаніе, при строгомъ и умѣренномъ образѣ жизни, не только спасаютъ его душу отъ разложенія, но даютъ ему возможность накопить въ себѣ столько нравственной силы, чтобы разстаться, за восемнадцать лѣтъ до смерти, со всѣми своими богатѣйшими коллекціями, большею частью денежныхъ средствъ и громадными имѣніями на пользу просвѣщенія.

„Не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія на пользу учащихся... Считая, что просвѣщеніе есть первая степень благосостоянія государства, я съ давнихъ поръ часть доходовъ отлагалъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго заведенія“. Писалъ онъ въ 1803 г. Цѣлый рядъ университетовъ считаютъ его своимъ жертвователемъ, а Ярославскій Демидовскій лицей обязанъ всецѣло ему своимъ возникновеніемъ и до сихъ поръ служитъ памятникомъ его благородному порыву “).

Владѣльцы Леонова.

1821—1871.

Волна промышленной предпріимчивости, какъ слѣдствіе новаго тарифа (1822), захлеснула подмосковную мѣстность, не миновавъ и Леонова.

Прошло то время, когда приказный дѣлецъ пахалъ здѣсь землю ради своего кормленія на службѣ государевой; когда бояринъ пріѣзжалъ въ свое подмосковное помѣстье для отдыха отъ ратныхъ дѣлъ; когда просвѣщенный богачъ съ восторгомъ созерцалъ красоты здѣшней природы. Наступило иное время: начало промышленнаго развитія страны, когда все чаще появлялись люди, выбивавшіеся изъ простыхъ разночинцевъ, по копейкамъ соста-



Вѣковой кедръ въ Леоновѣ, посаженный П. Г. Демидовымъ.

(фот. 1907 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Уголокъ Леонова, вдоль новой линіи Московской Окружной жел. дор.

(фот. 1906 г. Вл. Капустина).

7

влявшие небольшие капиталы и смѣло пускавшие ихъ въ новый видъ — фабричной — дѣятельности.

Послѣ смерти Демидова, Леоново съ Казѣевымъ недолго оставалось въ рукахъ наслѣдниковъ, (его брата Петра и племянника Григорія Александровича), которые удачно продали его гвардіи поручику Ник. Ив. Пономареву. (19 Мая 1822 г. за 120.000 р. асс.).

Высокая цѣна, вырученная за 139 дес. [49]) объясняется блестящимъ состояніемъ, въ которое привелъ имѣніе такой знатокъ и любитель, какимъ былъ Пав. Григ.; чудный весенній день, когда сады, оранжереи и плодовитыя деревья были всѣ въ цвѣту, могъ также ошеломляюще подѣйствовать на городского покупателя, не сознававшаго, что Москва уже превращалась изъ дворянскаго города въ фабричный, и что дни всѣмъ роскошнымъ барскимъ подмосковнымъ сочтены. (См. снимокъ съ гравюры).

Уже скоро послѣ этого,—разочарованіе или денежныя обстоятельства, — заставили Пономарева, „никогда не служившаго на штатской службѣ“, какъ съ гордостью упомянуто имъ въ купчей, подчиниться времени и продать Леоново первостатейному купцу Ив. Петр. Кожевникову (8 Янв. 1825 за 30000 р.) и притомъ съ громаднымъ убыткомъ [49]).

Новый владѣлецъ „по современному“ смотрѣлъ на обширныя посадки Демидова: для надобности своей суконной фабрики въ Свибловѣ, онъ вырубилъ до чиста весь лѣсъ, не пощадивъ и церковный [50]). Всю усадьбу, прилегающую къ водѣ, сдалъ подъ фабрики и заводы, разбросавшие повсюду свои неуклюжія каменныя зданія, безъ всякаго отношенія къ прекраснымъ видамъ [50]).

Но вотъ случилось неожиданное: разрушающаяся совсѣмъ Ризположенская церковь, стоявшая „безъ пѣнія“ 59 лѣтъ, куда французы

ставили лошадей, а огородникъ съ удобствомъ складывалъ сѣно, и вся крыша которой поросла березами (см. снимокъ), ремонтируется фабрикантомъ Евграфомъ Владимировичемъ Молчановымъ (1859), для духовной потребности рабочихъ, основанной (1848), на Ростокинской землѣ, ситценабивной фабрики.

Звонъ колокола вновь отдѣланной церкви, какъ будто предвѣщаетъ новую жизнь прекрасной мѣстности, болѣе соотвѣтствующую ея назначенію.

Временный кризисъ въ дѣлахъ, послѣ паденія крѣпостного права, былъ отчасти причиною разстройства дѣлъ Кожевникова. И Леоново, черезъ сто лѣтъ, вторично продается съ аукціона. Купилъ тотъ же Молчановъ; (2 Декабря 1867 за 20025 ру.) не привлекаясь мѣстностью, а съ единственной цѣлью сохранить чистыми, для своей фабрики, верхнія воды Яузы.

Послѣ его смерти, вся лѣвая сторона, когда то пустошь Левонова, перешла по купчей во владѣніе (9 Декабря 1870) Ольги Александровны Капустиной, Александры Григорьевны Епишкиной и прусскихъ подданныхъ Альберта и Федора Ивановичей Кауленъ. А правую сторону, когда то пустошь Михаила Сѣдова и Коровью, вмѣстѣ съ фабрикой, пріобрѣлъ торговый домъ подъ фирмою „А. Капустинъ, Г. Красногоровъ и Бр. Кауленъ“, членами котораго были: Арсеній Михайловичъ Капустинъ, Григорій Алексѣевичъ Красногоровъ и упомянутые братья Кауленъ [52]).

Леоново погружается въ мирную тишину.

Разбросанные по имѣнію остатки фабричныхъ зданій постепенно разбираются; картина блестящаго прошлаго какъ будто снова выдѣляется. Чудный липовый паркъ, съ вѣковыми деревьями, прудъ, церковь, переносятъ во время кн. Хованскихъ; громадный кедръ, лиственница, пихты напоминаютъ о Демидовѣ.

Свиблово.

Само названіе села Свиблова, несомнѣнно, представляетъ изъ себя памятникъ знаменитому роду Свибловыхъ, занимавшему выдающееся положеніе въ четырнадцатомъ вѣкѣ при московскомъ великокняжескомъ дворѣ. По всему вѣроятію оно принадлежало боярину Ѳеодору Андреевичу Свиблу, первому воеводѣ Дмитрія Донского, палаты котораго находились на берегу Москвы рѣки, вблизи той круглой наугольной башни въ Кремлевскихъ стѣнахъ, долгое время носившей названіе „Свибловой стрѣльницы.“ Когда бояринъ Свиблъ, при сынѣ Дмитрія Донского, подвергся опалѣ, всѣ его многочисленныя вотчины и помѣстья были присвоены великимъ княземъ, который даже перечислилъ въ своемъ завѣщаніи всѣ „Свибловскія“ имѣнія и въ томъ числѣ одно село Тимофеевское на р. Яузѣ, повидимому тождественное съ теперешнимъ Свибловымъ на той же рѣкѣ [28]).

Около 1620 года, Свиблово, съ пустошью Лысцовой (имѣніе Лихоборы) и съ пустошью Ерденевой (Останкино), перешло изъ дворцовыхъ земель въ вотчину стольника Льва Афанасьевича Плещеева, въ награду за „московское осадное сидѣнье королевичевъ (Владислава 1618) приходъ“ [53]).

Отецъ новаго владѣльца—Афанасій Никитичъ Плещеевъ, занималъ неважное положеніе на службѣ у новгородскаго архіепископа „во дворянахъ“ [54]), самъ же Левъ Афанасьевичъ былъ очень близокъ ко двору царя Михаила, судя по его частымъ появленіямъ во дворцѣ, гдѣ онъ неизмѣнно фигурируетъ на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ, (но всегда только какъ почетный дворецкій „смотритъ въ столы“ (д. 1625—1647), не принимая въ нихъ участія).

Свою новую подмосковную вотчину, составленную изъ трехъ самостоятельныхъ частей и расположенную на красивыхъ извивахъ трехъ рѣкъ-Яузы, Каменки и Лихоборки, Плещеевъ передалъ сыну Андрею (1622/3), который дѣятельно принялся за сельское хозяйство, расчищая запущенную пашню и увеличивая ее цѣлиной. Въ Свибловѣ онъ выстроилъ вновь деревянную Троицкую церковь, которая существовала тамъ съ давнихъ поръ, можетъ быть, со временъ бояръ Свибловыхъ, судя по тому, что церковная земля (36 д.) упоминается уже въ $162^3/_4$ г., тогда какъ въ селахъ болѣе поздняго происхожденія, какъ напримѣръ въ сосѣднемъ Леоновѣ, земля для причта (26 дес.) была выдѣлена въ имѣніи лишь во время генеральнаго межеванья (1772) [53]).

Послѣ смерти Андрея (1658), въ Свибловѣ сталъ хозяйничать братъ его Михаилъ, а въ Ерденевѣ другой братъ Ѳеодоръ, такъ какъ вся вотчина юридически оставалась въ ихъ общемъ владѣніи.

Михаилъ Львовичъ Плещеевъ представляетъ изъ себя интересный типъ служилаго человѣка, протянувшаго свою полувѣковую службу у пяти государей и, несмотря на временныя невзгоды, добившагося до боярскаго сана. Уже на закатъ дней (1681), когда ему было не менѣе 64 лѣтъ, онъ такъ обрисовалъ свое служебное поприще: „стольникъ, служитъ съ 1632 г. — 49 лѣтъ. Былъ на пяти службахъ, да въ одной посылкѣ на воеводствѣ въ Казани. Крестьянъ 764 двора (около 3000 душъ). Въ походъ явится на аргамакѣ, въ брони (которая часто вѣсила не менѣе пуда) и саадакѣ, пять лошадей простыхъ, а за нимъ кончары и палаши. Выставитъ людей съ боемъ 25 человѣкъ“.

Когда Плещеевъ сообщалъ о своей долговременной службѣ, онъ конечно не упомянулъ



Троицкая церковь въ Свибловѣ.

(фот. 1907 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Усадьба въ Медвѣдковѣ.

(фот. 1901 г. Вл. Капустина).

Свиблово.

Само названіе села Свиблова, несомнѣнно, представляетъ изъ себя памятникъ знаменитому роду Свибловыхъ, занимавшему выдающееся положеніе въ четырнадцатомъ вѣкѣ при московскомъ великокняжескомъ дворѣ. По всему вѣроятію оно принадлежало боярину Ѳедору Андреевичу Свиблу, первому воеводѣ Дмитрія Донского, палаты котораго находились на берегу Москвы рѣки, вблизи той круглой наугольной башни въ Кремлевскихъ стѣнахъ, долгое время носившей названіе „Свибловой стрѣльницы.“ Когда бояринъ Свиблъ, при сынѣ Дмитрія Донского, подвергся опалѣ, всѣ его многочисленныя вотчины и помѣстья были присвоены великимъ княземъ, который даже перечислилъ въ своемъ завѣщаніи всѣ „Свибловскія“ имѣнія и въ томъ числѣ одно село Тимофеевское на р. Яузѣ, повидимому тождественное съ теперешнимъ Свибловымъ на той же рѣкѣ [28]).

Около 1620 года, Свиблово, съ пустошью Лысцовой (имѣніе Лихоборы) и съ пустошью Ерденевой (Останкино), перешло изъ дворцовыхъ земель въ вотчину стольника Льва Афанасьевича Плещеева, въ награду за „московское осадное сидѣнье королевичевъ (Владислава 1618) приходъ“ [53]).

Отецъ новаго владѣльца — Афанасій Никитичъ Плещеевъ, занималъ неважное положеніе на службѣ у новгородскаго архіепископа „во дворянахъ“ [54]), самъ же Левъ Афанасьевичъ былъ очень близокъ ко двору царя Михаила, судя по его частымъ появленіямъ во дворцѣ, гдѣ онъ неизмѣнно фигурируетъ на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ, (но всегда только какъ почетный дворецкій „смотритъ въ столы“ (д. 1625—1647), не принимая въ нихъ участія).

Свою новую подмосковную вотчину, составленную изъ трехъ самостоятельныхъ частей и расположенную на красивыхъ извивахъ трехъ рѣкъ-Яузы, Каменки и Лихоборки, Плещеевъ передалъ сыну Андрею (1622/3), который дѣятельно принялся за сельское хозяйство, расчищая запущенную пашню и увеличивая ее цѣлиной. Въ Свибловѣ онъ выстроилъ вновь деревянную Троицкую церковь, которая существовала тамъ съ давнихъ поръ, можетъ быть со временъ бояръ Свибловыхъ, судя по тому, что церковная земля (36 д.) упоминается уже въ $162^{3}/_{4}$ г., тогда какъ въ селахъ болѣе поздняго происхожденія, какъ напримѣръ въ сосѣднемъ Леоновѣ, земля для причта (26 дес.) была выдѣлена въ имѣніи лишь во время генеральнаго межеванья (1772) [53]).

Послѣ смерти Андрея (1658), въ Свибловѣ сталъ хозяйничать братъ его Михаилъ, а въ Ерденевѣ другой братъ Ѳедоръ, такъ какъ вся вотчина юридически оставалась въ ихъ обоихъ владѣніи.

Михаилъ Львовичъ Плещеевъ представляетъ изъ себя интересный типъ служилаго человѣка, протянувшаго свою полувѣковую службу у пяти государей и, несмотря на временныя невзгоды, добившагося до боярскаго сана. Уже на закатъ дней (1681), когда ему было не менѣе 64 лѣтъ, онъ такъ обрисовалъ свое служебное поприще: „стольникъ, служитъ съ 1632 г. — 49 лѣтъ. Былъ на пяти службахъ, да въ одной посылкѣ на воеводствѣ въ Казани. Крестьянъ 764 двора (около 3000 душъ). Въ походъ явится на аргамакѣ, въ брони (которая часто вѣсила не менѣе пуда) и саадакѣ, пять лошадей простыхъ, а за нимъ кончары и палаши. Выставитъ людей съ боемъ 25 человѣкъ“.

Когда Плещеевъ сообщалъ о своей долговременной службѣ, онъ конечно не упомянулъ



Троицкая церковь въ Свибловѣ.

(фот. 1907 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Усадьба въ Медвѣдковѣ.

(фот. 1901 г. Вл. Капустина).



о томъ, что въ молодости, за мѣстническую попытку тягаться съ болѣе родовитыми людьми (съ кн. Хилковымъ 1649 и Вас. Петр. Шереметевымъ 1652 [54]), подьячій билъ его батогами въ подклѣти, и что сидѣлъ онъ по нѣсколько дней въ „казенкѣ“. Онъ не упомянулъ и о томъ именномъ указѣ царя Алексѣя (сказанномъ ему 29 Декабря 1655), въ которомъ перечислены были всѣ его вины. Его нерадивое отношеніе по отпуску хлѣба изъ Смоленска вовремя войны съ Польшей; его заносчивость и грубость, выказанная имъ своему начальнику кн. Ив. Никитичу Хованскому, сосѣду по имѣнію; кстати припомнили даже его мальчишескую выходку, случившуюся не менѣе восьми лѣтъ тому назадъ (когда былъ живъ отецъ, ум. въ 1647), когда онъ во дворцѣ, на лубкѣ, написалъ оскорбительное выраженіе своему товарищу, сыну вельможи: „хаю стольнику Ѳедору Одоевскому на дворъ“. За всѣ эти вины, новыя и старыя, бояре приговорили: „кнутомъ его бить, сослать въ Сибирь, а помѣстья и вотчины раздать въ раздачу“. Но царь Алексѣй, для праздника Рождества, измѣнилъ боярскій приговоръ, приказавъ только—написать Плещеева по московскому списку (т. е. разжаловать во дворяне) и назвать „вѣчнымъ клятвопреступникомъ и ябедникомъ и бездушникомъ и клеветникомъ“ [18]). Если же припомнить его самоуправство при межеваніи спорной границы Свиблова и Леонова (а. 24 Іюня 1675), то изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что характера онъ былъ въ молодости дерзкаго, а въ зрѣломъ возрастѣ крутого и рѣшительнаго. Его боялись и, можетъ быть, цѣнили, но не любили, не повышая въ службѣ и оставляя въ чинѣ стольника пятьдесятъ лѣтъ. И только въ четвертое царствованіе (25 Іюня 1682 [55]), въ день вѣнчанія царей Ивана и Петра, въ грановитой палатѣ, ему пожаловали наконецъ боярскій чинъ, минуя чинъ окольничьяго: не за знатность рода и заслуги отца, какъ то было съ его сосѣдями молодыми кн. Ив. и Петромъ Хованскими, а за его собственную полувѣковую службу пяти государямъ. Но недолго пришлось ему наслаждаться тѣми почестями, съ которыми связано было боярское званіе, уже въ 1685 году,

читаемъ, что его вдова, Настасья Петровна, „со всѣми вотчинами и помѣстьями въ разныхъ городѣхъ“, вышла замужъ за Ѳедора Петровича Шереметева.

Подмосковная же его вотчина перешла къ его племянникамъ Плещеевымъ, которые формально раздѣлили ее: Семену Ѳедоровичу досталось Свиблово съ Лысцовымъ (ок. 480 д.), а Ѳедору Ѳедоровичу—Ерденево (362 д.).

Отъ Семена Ѳедоровича—Свиблово перешло къ его малолѣтней дочери, круглой сиротѣ, „дѣвкѣ Марьѣ (1692), которая съ дѣтства, по приказу царя Петра, жила въ домѣ своего дяди, ближняго кравчаго Кириллы Алексѣевича Нарышкина“. Когда она преждевременно умерла (1704), Нарышкинъ, ссылаясь на изустное завѣщаніе покойной, подтвержденное лишь однимъ ея духовникомъ, помимо другихъ родственниковъ изъ рода Плещеевыхъ, завладѣлъ Свибловымъ и московскимъ ея дворомъ. (Подобнымъ же образомъ, всё такъ же ссылаясь на изустное завѣщаніе покойнаго, разныя важныя персоны разобрали (1702) имѣнія бездѣтнаго дяди ея Ѳедора Ѳедоровича Плещеева, владѣльца другой части Свибловской вотчины — Ерденева: въ числѣ наслѣдниковъ объявился свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, даже служитель Меньшикова, какой то Кузьма Думашевъ, а само Ерденево взялъ кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ [56]).

Нарышкинъ не жалѣлъ денегъ на новое имѣніе. Изъ обожженнаго, хозяйственнымъ способомъ, кирпича, онъ выстроилъ каменныя палаты, солодовенный заводъ, поварню, людскіе покои и церковь (1708), послѣдняя и до сихъ поръ служитъ ему памятникомъ [55]). На новоселье онъ перевезъ въ свои палаты много добра, по словамъ Берхгольца „награбленнаго въ Лифляндіи, гдѣ онъ такъ нехристіански свирѣпствовалъ, когда сжегъ Нарву и Дерптъ. Даже разукрашенныя оконныя рамы его Свибловскаго дома сохраняли (1722) имена и гербы тѣхъ нѣмецкихъ бароновъ изъ чьихъ замковъ были взяты“. Все Свиблово было заселено плѣнными шведами, остатки памятниковъ которымъ можно видѣть и

теперь на заброшенномъ кладбищѣ, сзади Свибловскаго трактира.

Но недолго пришлось Нарышкину владѣть добромъ, вырваннымъ, вопреки уложенью, изъ чужого рода. Первая попытка одного Плещеева оттягать имѣніе кончилась неудачно. Попытка другого, Ив. Дм. Плещеева—совпала съ временемъ, когда Петръ Великій особенно энергично проводилъ идею строгаго примѣненія законовъ государствѣ, даже въ отмѣну его личныхъ указовъ. Этимъ руководствовался сенатъ (1719), когда постановилъ возвратить Свиблово, въ родъ Плещеевыхъ, разсматривая прежній Высочайшій указъ, какъ несогласный съ законами актъ. Какъ досадно было вельможѣ, потратившему столько денегъ и усилій на украшеніе живописнаго имѣнія разставаться съ нимъ, можно судить по тѣмъ мелочнымъ пріемамъ насолить противнику, которые примѣнялись при обратной сдачѣ имѣнія Плещееву. Наканунѣ пріѣзда подъячаго въ Свиблово, для ввода въ владѣніе, всѣ старинцы (старинные крѣпостные) Плещеевыхъ были выведены въ сосѣднюю деревню Казѣево, гдѣ и жили четверо сутокъ, скрытые отъ подъячаго, вслѣдствіе чего остались незаписанными за новымъ владѣльцемъ; посыпались жалобы на Нарышкина, началась новая волокита по судамъ.

Послѣ описаннаго, въ Свибловѣ царило полное запустѣніе; вся богатая обстановка и украшенія, соотвѣтствовавшія великолѣпнымъ постройкамъ, былы вывезены Нарышкинымъ, а завести новыя—Плещееву не хватало ни средствъ, ни умѣнья. Около этого времени иностранцы кладутъ у насъ начало новому обычаю: проводить лѣто въ ближайшей къ Москвѣ загородной мѣстности; на земли, когда то пожалованныя служилымъ людямъ „въ дачу", то есть даромъ, (въ отличіе отъ „купли") городскіе жители начинаютъ ѣздить „на дачу".

Первымъ дачникомъ въ Свибловѣ былъ герцогъ Голштинскій, омеблировавшій за свой счетъ опустошенный Нарышкинымъ домъ, и прожившій тамъ лѣто (съ 29 Іюня по 1 Сент. 1722). А въ сосѣднемъ Леоновѣ, по отъѣздѣ самого хозяина, кн. Вас. Хованскаго, прожившаго весну и присутствовавшаго повидимому на освященіи церкви, въ его домѣ жилъ на дачѣ тайный совѣтникъ Бассевичъ, первый министръ герцога и, можно сказать, первый дачникъ Леонова.

Дальнѣйшая смѣна владѣльцевъ въ Свибловѣ идетъ въ полной аналогіи съ Леоновымъ. Какъ будто по заранѣе выработанной формулѣ, потомки коренныхъ служилыхъ людей должны были во второй половинѣ 18-го столѣтія (1782) отступиться отъ своей родовой вотчины въ пользу разбогатѣвшаго барина, поражавшаго москвичей своей безумной роскошью и хлѣбосольствомъ. Въ началѣ 19-го столѣтія (1821) баринъ уступаетъ мѣсто фабрикантамъ, первостатейнымъ купцамъ, малообразованнымъ и не умѣвшимъ соразмѣрять свои громадные доходы съ расходами. Первая заминка въ дѣлахъ выбиваетъ неопытнаго фабриканта изъ колеи и обезцѣненное имѣніе выскользаетъ изъ его рукъ (1867 [57]).

Свиблово, подобно другимъ подмосковнымъ мѣстностямъ, отличавшимся своей живописностью, (какъ напримѣръ Кунцево), одно время принадлежало, по праву любителя красотъ природы, и нашему исторіографу—Н. М. Карамзину, который говорилъ, что „свѣтъ принадлежитъ тому, кто имъ наслаждается". По мнѣнію И. Е. Забѣлина, здѣсь онъ жилъ на дачѣ въ 1801 г., послѣ свадьбы на Елиз. Ив. Протасовой, когда онъ писалъ брату: „время хорошо, а мѣсто еще лучше, живемъ въ тишинѣ, иногда принимаемъ нашихъ московскихъ пріятелей, читаемъ, а всего болѣе прогуливаемся". Здѣсь онъ жилъ и въ 1802 и 1803 г.; здѣсь скончалась его жена съ небольшимъ черезъ годъ послѣ свадьбы. Въ одномъ изъ писемъ (1803), отмѣченнымъ „Свирловымъ", онъ сообщалъ, что „нанимаетъ прекрасный сельскій домикъ въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы". Можетъ быть здѣсь онъ сочинялъ свою исторію, такъ какъ немного ранѣе передъ этимъ (1800) онъ писалъ: „я по уши влѣзъ въ русскую исторію, сплю и вижу Никона (лѣтопись) съ Несторомъ" [58]).

Медвѣдково.

Съ селомъ Медвѣдковымъ связано воспоминаніе о знаменитомъ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ, спасителѣ Россіи. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія часть имѣнія, расположенная на правомъ берегу Яузы (гдѣ теперь церковь и усадьба) представляла изъ себя пустошь Медвѣдеву, которую кн. Пожарскій называлъ „старинной отца его вотчиной" и гдѣ насчитывалось (1623) всего 48 четей (72 дес.) пашни.

По изгнаніи поляковъ изъ Москвы, князь выстроилъ въ пустоши деревянную церковь, шатромъ вверхъ, поставилъ свой боярскій дворъ, три двора задворныхъ людей, двѣ мельницы на Яузѣ и на Чермянкѣ, и пустошь превратилась въ село Медвѣдево [29]).

При награжденіи боярскимъ саномъ (1613) князю Пожарскому, дано было въ помѣстье цѣлый рядъ пустыхъ дворцовыхъ земель, окружавшихъ его село Медвѣдево. Въ (а) 1620 году, за отраженіе Владислава, эти помѣстныя земли даны были ему въ вотчину. Онъ тотчасъ отдѣлилъ изъ нихъ двѣ съ половиною пустоши — Казѣеву, Өедоркину и половину Подберезской — и подарилъ, какъ нами было указано раньше, своей сестрѣ, кн. Дарьѣ Михайловнѣ Хованской, съ сыномъ Иваномъ. Пустошь Филину (теперь имѣніе Н. Ф. Рихтера) и пустошь Поповскую, Выползово тожъ (на лѣвомъ берегу Яузы), населилъ пашенными крестьянами, такъ какъ рядомъ съ его усадьбой тогда деревни не было.

Вѣроятно къ концу своей жизни (1646) онъ выстроилъ Покровскую каменную церковь, которая и до сихъ поръ служитъ памятникомъ выдающемуся человѣку.

Родъ кн. Пожарскаго прекратился на его внукѣ Юріѣ Ивановичѣ (1682), при которомъ произошло описанное побоище при межеваніи спорной границы Леонова съ сосѣдями.

Между 1687—1689 гг. владѣльцемъ Медвѣдкова былъ кн. Вас. Вас. Голицынъ, пожилой другъ и любимецъ царевны Софьи. Въ это время площадь Медвѣдкова значительно возрасла, вслѣдствіе присоединенія къ нему окрестныхъ дворцовыхъ деревень, и изъ 72 дес. дошла до 2051 дес. (по ген. меж.).

Сюда вошла и деревня Раево, гдѣ стояла когда то церковь Покрова; и дер. Сабурово на крутомъ берегу р. Чермянки, памятникъ боярскому роду Сабуровыхъ, гдѣ числилась церковная земля Николая Чудотворца; и деревня Юрлово, напоминавшая о дворянской фамиліи Юрловыхъ, съ церковной землей бывшей Воскресенской церкви; и деревня Подушкино на р. Вздериногѣ, и цѣлый рядъ пустошей на р. Самотыгѣ и Ольшанкѣ доходившихъ до Вѣшокъ и Алтуфьева.

Послѣ паденія Голицына Медвѣдково перешло въ родъ Нарышкиныхъ (1691) провладѣвшихъ имъ до 1809 г. [59]).

Ростокино.

Хотя въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи на Руси не было банковъ, но тогда ихъ замѣняли, отчасти, монастыри, которые производили между прочимъ и банкирскія операціи. Страстное желаніе богатыхъ вотчинниковъ искупить свои грѣхи матеріальными пожертвованіями разнымъ обителямъ, являлось источникомъ монастырскихъ земельныхъ богатствъ. Энергичная эксплуатація пожертвованныхъ имѣній давала возможность монашествующей братіи накапливать значительныя денежныя средства, которыя ссужались, въ трудную минуту, подъ большіе проценты, служилому человѣку подъ его вотчины, часто остававшіяся въ рукахъ закладчиковъ [22]). Этимъ можно объяснить себѣ то обиліе духовныхъ владѣльцевъ въ подмосковной мѣстности, на которое наталкиваешься при разборѣ памятниковъ того времени.

Село Вельяминово, на рѣчкѣ Лихоборкѣ, сначала было отказано Ив. Ив. Шуйскимъ Богоявленскому монастырю (1638), а затѣмъ, отъ послѣдняго, перешло во владѣніе патріарха Никона (1653), съ коихъ поръ, въ честь владыки, стало называться Владыкынымъ [29]). Старинное же Мароино, оставшееся во владѣніи этого монастыря, извѣстно было подъ именемъ „Владычня". (а)

Село Бибирево, на рѣчкѣ Олешенкѣ, черезъ которое проходила Большая Ольшанская дорога, отдѣлявшаяся въ Ростокинѣ, принадлежало Новодѣвичьему Вознесенскому монастырю. (а)

Само Ростокино окружено было владѣніями: Вознесенскаго монастыря старицы Евфимеи Шеины, Богоявленскаго монастыря въ Ростовѣ и монастыря Алексѣя человѣка Божія (см. межа Ростокина въ 1586 г.).

Наибольшимъ земельнымъ богатствомъ обладалъ Троице-Сергіевъ монастырь, собравшій въ 20 замосковныхъ уѣздахъ 196000 десятинъ пашни, не считая лѣсовъ и другихъ угодій (что означаетъ по нашему мнѣнію владѣніе свыше двухъ милліоновъ дес.) [10]).

Въ составъ его многочисленныхъ вотчинъ, въ концѣ 16-го столѣтія, входило и Ростокино, расположенное вдоль Большой Переяславской дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пересѣкается Яузой.

Едва ли какая другая дорога видала такъ часто великолѣпные выѣзды царей, (въ особенности Михаила и Алексѣя), каждый годъ посѣщавшихъ лавру. И даже позднѣе, императрицы, подражая милліонамъ богомольцевъ, протянувшихся пѣшкомъ къ Троицѣ, не оставляли стариннаго обычая. По свидѣтельству Екатерины Второй, прожившей всё лѣто въ Раевѣ, мы даже знаемъ, какъ оригинально исполняла свое обѣтное путешествіе императрица Елизавета: пройдя въ день три, четыре версты, она отдыхала нѣсколько дней въ одномъ изъ путевыхъ дворцевъ, такъ что всё паломничество ея продолжилось всё лѣто [60]).

Едва ли какая другая дорога видала столько грабежей и насилія. Внѣшнихъ враговъ (1608 и 1812) привлекали богатства всё той же лавры; а внутренніе враги, лихіе люди, выѣзжали по ночамъ грабить запоздавшіе караваны съ хлѣбомъ и заморскими товарами, длинной вереницей тянувшихся изъ Ярославля.

Большинство названій окрестныхъ селеній происходитъ или отъ именъ и фамилій первыхъ заселителей и владѣльцевъ, какъ напримѣръ Леоново и Свиблово, или отъ какой либо особенности мѣстности, какъ Медвѣдково, или отъ церковнаго престола, какъ село Алексѣевское, названіе Ростокина не подходитъ ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій. Повидимому оно



Троицкое шоссе и церковь села Алексѣевскаго.

(фот. 1905 г. Вл. Капустина).



Фотот. П. Павлова.

Останкино.

(фот. 1895 г. Вл. Капустина).

Ростокино.

Хотя въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи на Руси не было банковъ, но тогда ихъ замѣняли отчасти монастыри, которые производили между прочимъ и банкирскія операціи. Страстное желаніе богатыхъ вотчинниковъ искупить свои грѣхи матеріальными пожертвованіями разнымъ обителямъ, являлось источникомъ монастырскихъ земельныхъ богатствъ. Энергичная эксплуатація пожертвованныхъ имѣній давала возможность монашествующей братіи накапливать значительныя денежныя средства, которыя ссужались, въ трудную минуту, подъ большіе проценты, служилому человѣку подъ его вотчины, часто остававшіяся въ рукахъ заимодавцевъ [28]). Этимъ можно объяснить себѣ то обиліе духовныхъ владѣльцевъ въ подмосковной мѣстности, на которое наталкиваешься при разборѣ памятниковъ того времени.

Село Вельяминово, на рѣчкѣ Лихоборкѣ, сначала было отказано Ив. Ив. Шуйскимъ Богоявленскому монастырю (1638), а затѣмъ, отъ послѣдняго, перешло во владѣніе патріарха Никона (1653), съ коихъ поръ, въ честь владыки, стало называться Владыкынымъ [29]). Старинное же Маренно, оставшееся во владѣніи этого монастыря, извѣстно было подъ именемъ „Владычня". (а)

Село Бибирево, на рѣчкѣ Олешенкѣ, черезъ которое проходила Большая Ольшанская дорога, отдѣлявшаяся въ Ростокинѣ, принадлежало Новодѣвичьему Вознесенскому монастырю. (а)

Само Ростокино окружено было владѣніями: Вознесенскаго монастыря старицы Евфимеи Шеины, Богоявленскаго монастыря въ Ростовѣ и монастыря Алексѣя человѣка Божія (см. межа Ростокина въ 1586 г.).

Наибольшимъ земельнымъ богатствомъ обладалъ Троице-Сергіевъ монастырь, собравшій въ 20 замосковныхъ уѣздахъ 196000 десятинъ пашни, не считая лѣсовъ и другихъ угодій (что означаетъ по нашему мнѣнію владѣніе свыше двухъ милліоновъ дес.) [30]).

Въ составъ его многочисленныхъ вотчинъ, въ концѣ 16-го столѣтія, входило и Ростокино, расположенное вдоль Большой Переяславской дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пересѣкается Яузой.

Едва ли какая другая дорога видѣла такъ часто великолѣпные поѣзды царей (въ особенности Михаила и Алексѣя), каждый годъ посѣщавшихъ лавру. И даже позднѣе, императрицы, подражая милліонамъ богомольцевъ, протянувшихся пѣшкомъ къ Троицѣ, не оставляли стариннаго обычая. По свидѣтельству Екатерины Второй, прожившей всё лѣто въ Россіи, мы даже знаемъ, какъ оригинально исполняла своё обѣтное путешествіе императрица Елизавета: пройдя въ день три, четыре версты, она отдыхала нѣсколько дней въ одномъ изъ путевыхъ дворцевъ, такъ что всё паломничество ея продолжилось всё лѣто [31]).

Едва ли какая другая дорога видѣла столько грабежей и насилія. Внѣшніе враги (1608 и 1812) привлекали богатства той же лавры, а внутренніе враги, лихіе люди, выѣзжали по ночамъ грабить запоздавшіе караваны съ хлѣбомъ и заморскими товарами, длинной вереницей тянувшихся изъ Ярославля.

Большинство названій окрестныхъ селеній происходитъ или отъ именъ и фамилій первыхъ заселителей и владѣльцевъ, какъ напримѣръ Леоново и Свиблово, или отъ какой либо особенности мѣстности, какъ Медвѣдково, или отъ церковнаго престола, какъ село Алексѣевское, названіе Ростокина не подходитъ ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій. Повидимому оно



Троицкое шоссе и церковь села Алексѣевскаго.

(фот. 1905 г. Вл. Капустина).



Останкино.

(фот. 1895 г. Вл. Капустина).

идетъ изъ глубокой славянской древности. Въ Новгородѣ, по словамъ Снегирева, извѣстно древнее урочище Ростокино; а въ Мекленбургѣ древнее славянское поселеніе носитъ названіе Ростокъ [61]).

Въ 1586 г. Ростокино было село, такъ какъ тамъ существовала церковь (Обновленіе храма Воскресенія Христова), возвышавшаяся на холмѣ, гдѣ теперь деревянная часовенка, окруженная могильными плитами. Къ селу принадлежали двѣ деревеньки: одна изъ нихъ Чесноково, находилась около „Красной рощи", (повидимому вблизи желѣзнодорожнаго черезъ шоссе переѣзда); другая деревня—Высокое, тянулась вдоль Леоновскаго живого ручья, называвшагося Высоковскимъ протокомъ.

Монастырь не бралъ съ Ростокинскихъ крестьянъ своего обычнаго разнообразнаго оброка: „и денежнаго, и масломъ и сметаною и яйцами, и холстомъ олнянымъ и посконнымъ, и овчиною, и за выводную куницу, и за новоженный убрусъ", довольствуясь доходомъ отъ мельницы на рѣкѣ Яузѣ, съ двумя колесами нѣмецкими, отъ 10 до 15 руб., (250—375 р.), пользуясь весеннимъ перевозомъ, сбирая около 2 р. 50 (62 р. 50), и требуя отъ крестьянъ натуральной повинности: „монастырскую пашню пахать, лѣсъ сѣчь, сѣно косить, плотину чинить" [62]).

По писцовимъ книгамъ (1586) пашенной земли въ Ростокинѣ было 94 чети (141 дес.) на 15 дв. крестьянскихъ; а по генер. межеванію количество земли опредѣлялось въ 569 дес. (не исключая дорогъ 15 д. и церк. 3.28 д.).

При учрежденіи штатовъ отъ Троицкаго монастыря были отобраны всѣ земли (106000 душъ крестьянъ) въ томъ числѣ и Ростокино (1764). Съ этихъ поръ монастырь не сталъ поддерживать Ростокинскую церковь, которую пришлось закрыть (1794), а утварь перенести въ церковь сосѣдняго села Алексѣевскаго [61]).

Въ 1586 году село Алексѣевское было извѣстно подъ именемъ Копытова на рѣчкѣ Третенкѣ (?) и принадлежало любимцу Іоанна Грознаго, думному дворянину Демиду Ивановичу (Деменши) Черемисинову. Затѣмъ Копытово было въ помѣстьи у боярина Дмитрія Тимофеевича Трубецкого (1621), начальника ополченія, избавившаго, вмѣстѣ съ кн. Пожарскимъ, Москву отъ поляковъ. При немъ была построена каменная церковь во имя Алексѣя человѣка Божія, повидимому въ честь царя Алексѣя Михайловича, тогда еще наслѣдника, и село стало называться Алексѣевскимъ. Послѣ смерти его вдовы, оно перешло въ дворцовое вѣдомство. Другая каменная церковь была освящена въ 1680 въ присутствіи царя Ѳеодора Алексѣевича во имя Тихвинской Божіей Матери.

Къ Алексѣевскому примыкаетъ Сокольничья роща, составлявшая часть Лосиннаго Острова (6000 дес.), доходившаго до Большихъ Мытищъ, до знаменитой Красной Сосны, мѣста извѣстнаго обиліемъ грабежей и лосей [63]).

Останкино.

Останкино, извѣстное въ 16-мъ столѣтiи подъ именемъ Осташкова, состояло въ помѣстьи за „нѣмчиномъ за Орномъ", а затѣмъ въ вотчинѣ за дьякомъ Вас. Як. Щелкаловымъ (1856). По всему вѣроятiю, упомянутый иноземецъ Хорнъ, и насадилъ тамъ ту громадную кедровую рощу, которая такъ поразила, полтораста лѣтъ спустя, герцога Голштинскаго и камерюнкера Берхгольца, отмѣтившаго въ своемъ дневникѣ (28 Августа 1722) слѣдующее: „мы осматривали въ имѣнiи княгини Черкасской, близъ Свирлова, кедровыя деревья, которыя, говорятъ, единственныя здѣсь въ Россiи, или по крайней мѣрѣ около Москвы: они необыкновенно велики и высоки".

Пожалованное (1617) кн. Ив. Борис. Черкасскому въ вотчину, Останкино оставалось въ его родѣ до половины 18-го столѣтiя, когда, при выходѣ въ замужество княгини Варвары Алексѣевны Черкасской за графа Петра Борисовича Шереметева, оно перешло, вмѣстѣ съ громаднымъ приданымъ, въ родъ графовъ Шереметевыхъ.

Существующая до настоящаго времени Троицкая каменная церковь, была выстроена тамъ въ 1700 году, (на мѣсто деревянной), кн. Михаиломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ, извѣстнымъ, между прочимъ, тѣмъ, что Гришка Талицкiй, погубившiй кн. Ивана Хованскаго, прочилъ его, на мѣсто Петра Великаго, въ цари, потому, что „кн. Михаилъ—человѣкъ добрый"[30]). Въ приходской жизни Останкинской церкви отмѣчено событiе, когда, въ одинъ прекрасный день, всѣ прихожане, по указу государя, были вывезены въ Москву въ „черныя сотни", вслѣдствiе чего патрiархъ лишился своей обычной церковной дани (1650).

Къ селу изстари принадлежала слободка Бояркина, Марьина тожъ, на рѣчкѣ Копытенкѣ; тамъ жили еще въ 1623—4 гг. безпашенные бобыльскiе люди, кормившiеся въ Москвѣ, — тогда, какъ, и теперь триста лѣтъ спустя, — „промысломъ и работою".

Площадь Останкина увеличилась почти вдвое (было 484 дес. прибавилось 362 дес.), когда къ нему присоединилось село Покровское, Ерденево тожъ, на рѣчкѣ Каменкѣ, недавно входившее въ Свибловскую вотчину Льва Плещеева, а теперь (а. 1737) проданное послѣднимъ владѣльцемъ, кн. Серг. Борис. Голицынымъ, кабинетъ министру Алексѣю Михайлов. Черкасскому за 5000 руб. (50000 р.).

Съ этихъ поръ, село Ерденево потеряло всякую самостоятельность и самое существованiе его забылось. Въ настоящее время то мѣсто, гдѣ стоялъ когда то дворъ вотчинниковъ, окруженный „садами вдовы Мароы жены Плещеевой (1680)"; гдѣ тянулись 11 дворовъ крѣпостныхъ крестьянъ, „свобожденныхъ на волю послѣ Өедоровой (Өедоровича Плещеева) кончинѣ (1702)"; гдѣ возвышалась, сначала деревянная, а затѣмъ каменная, Покровская церковь (выстроенная Борис. Алексѣев. Голицынымъ 1704); гдѣ было старинное церковное кладбище, примыкавшее къ рѣчкѣ Каменкѣ (1680), на которой работала мельница [29])—все это мѣсто, на высокомъ берегу Яузы, съ чуднымъ видомъ на Леоново, называется поэтическимъ именемъ „серенада". Слѣды пруда, груда бѣлыхъ камней отъ церковнаго фундамента, вотъ единственные признаки былого села Ерденева.

Всѣ владѣльцы описанныхъ нами селенiй: кн. Хованскiе, кн. Пожарскiе, Плещеевы, Троице Сергiевъ монастырь, въ силу различныхъ обстоятельствъ, давно потеряли свои подмосковныя владѣнiя и вышли изъ рядовъ земельныхъ собственниковъ; потомки же кн.

Черкасскаго не только удержали Останкино, владѣя имъ около 300 лѣтъ, но и являлись до самого послѣдняго времени представителями самой крупной земельной аристократіи въ Россіи. Послѣ паденія крѣпостного права и выдѣла земли своимъ многочисленнымъ крѣпостнымъ, (за которую правительство выдало нѣсколько милioновъ рублей) у графа Дмитрія Николаевича Шереметева (1871) оставалось 390000 десятинъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

При опредѣленіи земельнаго состоянія кн. Ивана Никитича Хованскаго (1658) мы видѣли,

что около сорока процентовъ всего количества приходилось на помѣстныя земли, считавшіяся государственными, данныя ему лишь во временное владѣніе, въ возмѣщеніе главнымъ образомъ расходовъ по вооруженію войска. Безмезднымъ переходомъ подобныхъ земель въ вотчинное владѣніе помѣщиковъ и можно объяснить себѣ отчасти, то скопленіе громадныхъ земельныхъ богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ потомковъ служилыхъ людей, каковое наблюдалось въ Россіи до конца прошлаго столѣтія [64]).

что около сорока процентовъ всего количества приходилось на помѣстныя земли, считавшiяся государственными, данныя ему лишь во временное владѣнiе, въ возмѣщенiе главнымъ образомъ расходовъ по вооруженiю войска. Безмездныхъ переходовъ подобныхъ земель въ вотчинное владѣнiе помѣщиковъ, и можно объяснить себѣ отчасти, то скопленiе громадныхъ земельныхъ богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ потомковъ служилыхъ людей, какое наблюдалось въ Россiи до конца прошлаго столѣтiя [1].

Черкасскаго не только удержали Остафьевцы въ теченiе около 300 лѣтъ, но и являлись до самого послѣдняго времени представителями самой крупной земельной аристократiи въ Россiи. Послѣ паденiя крѣпостного права и вмѣстѣ съ своимъ многочисленнымъ крѣпостнымъ, (за которое правительство выдало нѣсколько миллiоновъ рублей) у графа Дмитрiя Николаевича Шереметева (1871) оставалось 700000 десятинъ въ центральныхъ губернiяхъ Россiи.

При опредѣленiи земельнаго состоянiя дiака Ивана Никитина Хованскаго (1668) мы видимъ

Приложенiе.

Опись границъ Свиблова, Ерденева (Останкина) и Лысцова (Лихоборской дачи).

письма и мѣры и межеванья Лаврентія Кологривова да подъячаго Дружины Скирина

131 и 132 гг. (1623—4)

(взято изъ Архива мин. Юстиц., дѣла стар. лѣтъ, кн. 49 № 24).

За стольникомъ за Андреемъ Плещеевымъ въ вотчинѣ, что далъ ему отецъ его Левъ Плещеевъ, а отцу его Льву та вотчина дана за московское осадное сидѣнье Королевичева приходу, - село Свиблово на рѣкѣ на Яузѣ, по обѣ стороны рѣки Яузы, а въ немъ былъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы. Да на церковной землѣ 4 мѣста дворовыхъ: мѣсто попово, мѣсто дьячково, мѣсто пономарево, мѣсто просвирницыно; пашни паханыя церковныя середніе земли 8 чети (12 д.), лѣсомъ поросло 12 чети (18 д.) въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Яузѣ 10 копенъ; а пашетъ тое церковную землю стольникъ Андрей Плещеевъ.

Да въ томъ же селѣ дворъ вотчинниковъ живутъ дѣловые люди, да 2 двора людскихъ задворныхъ; пашни паханые вотчинниковы середніе земли и съ новораспашною пашнею, что распахалъ въ рощахъ въ Муравьихѣ, да подлѣ Мшанова болота 50 чети (75 дес.), лѣсомъ поросло въ рощахъ 28 чети (42 дес.) въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна на лугахъ отъ устья рѣчки Черменки и на высокомъ лугу внизъ по рѣкѣ по Яузѣ и до рѣчки Лихоборки на Красномъ лугу да на Ивановскомъ Д . . . . кина Лысковскаго 80 копенъ.

Да подъ тѣмъ же селомъ мельница на рѣкѣ на Яузѣ мелетъ въ одни жерновы на вотчинниковъ обиходъ.

Пустошь Лысцово на рѣчкѣ на Лихоборкѣ по обѣ стороны рѣчки Лихоборки; да къ ней же припущено въ пашню 2 починка — починокъ Кузяевъ, починокъ Деревнища, а въ нихъ пашни паханые средніе земли 12 чети (18 дес.) лѣсомъ поросло 16 чети (24 дес.) въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по обѣ стороны рѣчки Лихоборки отъ Свибловскаго межника вверхъ рѣчки Лихоборки до дороги Вельской и по Бытереву врагу и по Лысковскимъ дубравамъ и по вешнему врагу и по Ѳедорову врагу и на починкахъ 80 копенъ; лѣсу непашеннаго 22 десятины.

Пустошь, что было село Ерденево по обѣ стороны рѣчки Каменки, а въ немъ былъ храмъ во имя Покрова Святыя Богородицы; да на церковной землѣ 4 мѣста дворовыхъ: мѣсто попово, мѣсто дьячково, мѣсто пономарево мѣсто просвирницыно; пашни паханые наѣздомъ церковные середніе земли 10 чети (15 дес.) лѣсомъ поросло 6 чети (9 дес.) въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по рѣчкѣ Каменкѣ 10 копенъ; а пашетъ церковную землю наѣздомъ стольникъ Андрей Плещеевъ. Да въ томъ же селѣ 12 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ крестьянскихъ, пашни паханые наѣздомъ средніе земли 24 чети (36 дес.), лѣсомъ поросло 3 чети ($4^1/_2$ дес.) въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Каменкѣ и по рѣчкѣ по Яузѣ, что межъ рѣчки Лихоборки у Каменки 40 копенъ; лѣсу непашеннаго 12 десятинъ.

И всего за стольникомъ за Андреемъ Плещеевымъ въ вотчинѣ— село въ живущемъ, да 2 пустоши, да 2 починка. А въ нихъ дворъ вотчинниковъ, 2 двора людскихъ, 12 мѣстъ дворовыхъ, пашни паханые наѣздомъ середніе земли 106 чети (159 дес.) лѣсомъ поросло 47 чет. ($70^1/_2$ дес.) и обоего пашни паханые и лѣсомъ поросли середніе земли 153 чети ($229^1/_2$) дес.) въ полѣ а въ дву потому жъ; сѣна 200 копенъ (20 дес.) лѣсу пашеннаго 5 десятинъ; лѣсу непашеннаго 34 дес.. И за вотчинниковою дачею осталось въ лишкѣ 24 чети. А сошнаго письма впусте полъ чети и пол-пол-полъ чети сохи и не дошло въ сошное письмо 3 чети съ полуосминою: пашни да церковные середніе земли паханые и лѣсомъ поросли 36 чет. (54 дес.).

А межа селу Свиблову и пустоши Лысцовой и пустоши, что было село Ерденево — отъ вотчины боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго отъ деревни Подберезскіе, отъ устья Черменки, рѣчки что впала въ рѣку Яузу; отъ устья на березку, а подъ нею яма, а отъ березы и стъ ямы прямо межею на большую Ольшанскую дорогу до устья рѣчки Черменки; а отъ рѣчки Черменки налѣвѣ земля Льва Аѳонасьевича Плещеева а направѣ земля боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а на дорогѣ межевая яма, а отъ ямы дорогою Ольшанскою ѣдучи къ Свиблову, напровѣ межевая яма; а отъ ямы на сосну, а отъ сосны на межевую яму и на проселочную дорогу, что ѣздятъ къ Юрлову и къ Сабурову и на Ѳедоровку; а отъ ямы черезъ дорогу межа съ Ѳедоровскою землею подлѣ Свибловскую рощу и мимо Мшанова Свибловскаго болота направо черезъ дорогу Лысцовскую, что ѣздятъ на Ѳедоровку; а переѣхавъ дорогу къ Ѳедоровскому врагу на березу со пнемъ, а отъ березы на сосну, а отъ сосны на 3 березовыхъ пня а отъ 3 березовыхъ пней на Ѳедоровъ врагъ на валъ, по то мѣсто, ѣдучи до Ѳедорова врага налѣвѣ земля стольника Льва Плещеева Свибловская, а направи земля боярина князь Дмитрія Михайловича Пожарскаго пустоши Подберезья и Ѳедоровки; и къ третьему полю Свибловскому, что за рѣкой за Яузой межа—мокрая пашня пополамъ отъ пустоши отъ Поповы, что нынѣ за бояриномъ за княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, до вотчины Троице Сергіева монастыря до земли села Ростокина до старыхъ ямъ и по государеву дворцовую пустошь по ЛЕВОНОВУ села Танинскаго; а отъ пустоши ЛЕВОНОВЫ на 2 межевыя ямы, а у ямы стоитъ сосна, а на ней грань, а отъ ямы и отъ сосны прямо къ Яузѣ до устья Каменки рѣки. И Лысцовской земли межа: съ валу черезъ Ѳедоровъ врагъ прямо на болото и на вешній потокъ по старымъ и по новымъ завяземъ, направѣ государевы пустоши Сабуровы, до вотчины боярина Дмитрія Михайловича Пожарскаго деревни Казѣевы, а налѣвѣ земля вотчинная стольника Льва Плещеева пустоши Лысцовой, а потокомъ къ 3 липамъ а отъ 3 липъ тѣмъ же потокомъ налѣвѣ на двѣ березы и подъ ними два пня березовыхъ, а отъ 2 березъ и отъ пней потокомъ до Островскіе дороги, что ѣздятъ изъ Лысцова въ Бибирево, а тотъ потокъ впалъ въ Ѳедоровскій врагъ, а отъ верху того потока ѣдучи на Островскую дорогу къ Лысцову на 2 межевыя ямы, одна государевой пустоши Сабуровой, а другая яма монастырскаго села Биберево, а по лѣвую сторону ямъ дубравы Лысцовскіе ѣдучи къ Лысцову дорогою, а съ дороги налѣвѣ на межевую яму подлѣ Вѣжецкой дороги на Бутыревъ врагъ съ Вельяминовскою землею вотчины боярина кн. Ив. Ив. Шуйскаго а налѣвѣ земля 3-го поля пустоши Лысцовы. Отъ рѣчки Лихоборки ѣдучи къ Москви Вѣжскою дорогою до межевыя ямы, а отъ ямы дорогою прямо къ рѣчкѣ къ Каменкѣ налѣвѣ земля вотчинная Льва Плещеева, а направѣ земля Вельяминовская пустоши Марѳиной, а отъ ямы направѣ земля Каменская а налѣвѣ земля Ерденевская; а Ерденевской земли межа до врага, а по врагу до

рѣчки до Каменки а черезъ рѣчку на старыя межевыя ямы пустоши Каменскіе земли и Ерденевскіе, а отъ ямы старымъ межникомъ по ямамъ до большихъ ямъ, что на Ерденевской дороги, межа Осташковской земли и Ерденевской, что съ Ерденевской дороги на Осташково къ Москвѣ, а отъ ямъ черезъ дорогу Ерденевскую межевникомъ прямо на большую дорогу Ольшанскую, дорогою Ольшанскою направо, ѣдучи отъ Москва, земля государевы пустоши ЛЕВОНОВЫ, на усть рѣчки Каменки, гдѣ впала въ Яузу, а наливѣ земля, до усть рѣчки Каменки и лугъ межъ Каменки а Лихобору вверхъ по Яузѣ, пустоши Ерденева.

Описаніе межи Ростокина

около 1586 года.

(Арх. м. юст. подлинная приправочная) кн. № 255 лл. 307—310.

А межа селу Ростокину съ деревнями и съ пустошьми отъ рѣки отъ Яузы, что бывала старая Московская Переславская дорога, отъ Ростокина, отъ стараго броду, ѣдучи къ Москвѣ прямо дорогою до рѣчки до Третенки направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля, ѣдучи къ Москвѣ за Переславскою за старою дорогою до рѣчки до Третенки до стараго жъ броду боярина и дворецкаго Григорія Васильевича Годунова вотчины села Богородскаго, да со старыя же Переславскія дороги вверхъ по рѣчкѣ по Третенкѣ до Ольшанскія дороги направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля, ѣдучи къ Москви, за рѣчкою за Третенкою Деменши Черемисинова вотчины сельца Копытова, а отъ рѣчки отъ Третенки, отъ Москвы ѣдучи, поворотить направо Ольшанскою дорогою, направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля дьяка Василія Щелкалова села Осташкова, да Ольшанскою дорогою до рѣчки до Горяйки, да старою жъ межею черезъ рѣчку Горяйку Ольшанскою дорогою старымъ межникомъ на двѣ ямы большія, а отъ дву ямъ черезъ одиннадцатеры ями направѣ земля Троицкія села Ростокина, а наливи земля дьяка Василія Щелкалова села Осташкова, а отъ старыя Ольшанскія дороги и отъ большихъ отъ дву ямъ поворотить направо старымъ межникомъ до рѣки до Яузы до большихъ до дву ямъ направи земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля

государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи дворцоваго села Тонинскаго пустоша МИХАИЛА СЕДОВА, а отъ дву ямъ большихъ поворотити налѣво вверхъ по рѣчкѣ по Яузѣ старою межею до двухъ ямъ малыхъ, а отъ дву ямъ черезъ три ямы, а отъ третьихъ ямъ на двѣ ямы большія, что у рѣки у Яузы близко монастырскія пашни и лужка и сѣннаго покоса, до большихъ же до дву ямъ, что противъ деревни Свибловы, да чрезъ рѣку Яузу на врагъ старою межею до большихъ до дву ямъ направѣ земля Троицкая деревни Высокія, а налѣвѣ земля государевой пустоши ЛЕВОНОВЫ, а отъ большихъ отъ дву ямъ старымъ же межникомъ на двѣ ямы жъ большія, а отъ дву ямъ черезъ пять ямъ до Большія Переславскія дороги, да черезъ дорогу прямо старымъ межникомъ на яму, а отъ ямы черезъ двѣ ямы до большія жъ до старыя Переславскія дороги направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля государева дворцоваго села Раева; да попоѣхавъ Переславскою дорогой поворотити направо старымъ межникомъ до просельскія дороги, направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля вотчинная Вознесенскаго монастыря старицы Еуфимьи Шеины пустоши Яровы, да отъ просельскія дороги старымъ межникомъ на большую березу, а на ней грань новая, а отъ березы на сосну, а на ней грань новая, а отъ сосны къ соснѣ, а на ней грань новая, а отъ сосны прямо старымъ межникомъ до болота, что бывала Красная роща, направѣ земля и половина болота Троицкая села Ростокина, да деревни Чесноковы, а налѣвѣ земля вотчинная Богоявленскаго монастыря, что въ Ростовѣ, пустоши Лохтевы, а отъ болота старымъ межникомъ поѣхавъ, поворотити направо просельскою дорогою, а съ просельскія дороги поворотити направо старымъ межникомъ до большія до старыя до Переславскія дороги, направѣ земля Троицкая села Ростокина да деревни Чеснокова, а налѣвѣ земля монастырская Алексѣя человѣка Божія вотчины пустоши Васильевы, да пустоши Кондаковы, а доѣхавъ Переславскою дорогой до дву ямъ старыхъ и до просельскія дороги а отъ дву ямъ и отъ просельскія дороги старою жъ Переславскою дорогой до броду, что бывалъ живой мостъ до рѣки до Яузы, направѣ земля Троицкая села Ростокина, а налѣвѣ земля Алексѣя человѣка Божія пустоши Кондаковы, а отъ пустоши отъ Кондаковы до рѣки до Яузы земля боярина и дворецкаго Григорія Васильевича Годунова вотчины села Богородскаго.

Планъ села Леонова 1772 г.

Пустошь Левонова

Ц: 3

С^ло Леоново

Рѣка Яуза

Пустошь Коровья

Описаніе

119. смежныхъ земель:

Отъ А до В села Ерденева.

Отъ В до С. с. Свиблова съ пустошью Лысцовой.

Отъ С до D села Медвѣдкова.

Отъ D до А села Ростокина.

Примѣчанія.

(1) Устряловъ „Сказаніе кн. Курбскаго“.

Костомаровъ т. 19: „Опустошеніе Крымск. хана сильнѣе польскаго разоренія“.

(2) Писц. кн. изд. Р. И. Г. О.: Моск. у. на 38 стр. напечатано Леново, въ подлинныхъ документахъ архиза минист. юстиціи — Лѣново. См. 202 стр.

Четь равняется половинѣ десятины; а въ 3-хъ поляхъ — полторы десятины.

(3) Писецъ Хлоповъ не могъ узнать названія пустошей, м. б. потому, что всѣ сторожилы были въ бѣгахъ. Недаромъ Зарѣчная часть Леонова въ 1586 г. названа пустошью „Михаила Сѣдова“ (см. въ приложеніи описаніе межи Ростокина въ 1586 г.), а въ 1626 г. ее называютъ пустошью „Коровьей“.

(4) Платоновъ „Исторія Смуты“.

(5) Свѣдѣнія, взятыя нами изъ Дворцовыхъ Разрядовъ отмѣчаются буквой „д“.

(6) См. подробное описаніе межи села Свиблова, Лысцова (Лихоборъ) и Ерденева (Останкина) 1623—4 г.г, взятое изъ документовъ Московск. Архива Мин. Юстиціи — кн. 49 № 24, напечатанное въ приложеніи.

До 1700 года лѣточисленіе на Руси шло отъ сотворенія міра, и новый годъ начинался съ 1 Сент. Для перевода стараго времени на современное, слѣдуетъ вычитать 5508, а съ 1 Сент. по 1 Янв 5509.

(7) А. Лакіеръ „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“.

Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“ т. VII стр. 260.

(8) Моск. Архивъ минист. юстиц. Моск. столб. 360 л. 622— Ив. Ив. Хов. хотя и выставлялъ за свой счетъ вооруженн. людей, но самъ въ походѣ не былъ въ числѣ 14 стольниковъ—(Сент. 173 т. е. 1664 М. ст. 403 л. 245).

Его братъ Петръ Ив. Хов. (меньшой) давалъ слѣдующія свѣдѣнія: (1670) „буду я на службѣ и со мной 3 лошади простыхъ, самъ на 4-й, людей съ ружьемъ 14 человѣкъ, а твоего государь жалованья въ помѣстьяхъ и вотчинахъ 384 дв. крест. и бобыльск. (Моск. столб. 447 л. 47).

Ихъ троюродный братъ Петръ Ив. Хованскій Большой, сынъ Таруя, давалъ (1663) слѣд. свѣд.: „буду я Петрушка Хованск. самъ на конѣ, да лошадь простая, людей съ боемъ 4 человѣка, а помѣстій и вотчинъ за мной холопомъ твоимъ ни единой четверти“ (Моск. столб. 360 II л. 619).

(9) Устряловъ „Петръ Великій“.

(10) Готье „Замосковный Край“ М. 1906.

(11) Архивъ мин. юст. дѣла молод. лѣтъ кн. 8 № 18 л.л. 1—39 Свѣдѣнія взятыя изъ архива вездѣ отмѣчены буквой „а“.

(12) Въ Монатьиномъ стану сельцо Григоровское, Лысцово тожъ, владѣетъ дьякъ первой Карповъ (Писц. кн. Моск. у. 1584. изд. Р. И. Г. О.).

(13) Архивъ мин. юст. Моск. столб. 112 л 312—3 (Челобитье Ив. Ник. Хов. о помѣстьи).

(14) Григ. Андр. Хов., двоюродн. братъ Ив. Ник. Хов. (сынъ Андр. Андр. Х.?).

Когда онъ умеръ въ 1644 г., Ив. Ник. просился у царя „отпустить его до Ярославля — встрѣтить тѣло брата Григ. Андр., котораго судомъ Божіимъ не стало“ (Арх. мин. юст. Моск. ст. 217 л. 386).

(15) Кн. Ив. Н. Хов. подвергся опалѣ въ одинъ день съ Вас. Сем. Волынскимъ. (Арх. мин. юст. Моск. столб. 195 л. 25).

Отмѣтка о ссылкѣ его въ Сибирь есть въ Алф. Указателѣ фам. и лицъ, упом. въ боярск. кн.

Чины придворные и служебные шли въ слѣдующемъ порядкѣ: бояре, окольничьи, думн. и ближн. люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки жильцы, городов. дворяне, дѣти боярскіе (Дв. Р. 1679) (Такъ что Моск. двор. соотвѣтствуетъ приблиз. коллежск. ассесору если бояринъ дѣйствит. тайн. сов.?).

(16) Соловьевъ т. X подробно приведены всѣ письма.

Отецъ Маріи Хлоповой былъ въ приставахъ у маленьк. Михаила во вр. Годунова, слѣдовательно царь зналъ Хлопову съ дѣтства.

(17) Христіанск. Чт. 1885 № 3 и 4, въ статьѣ протоіерея Павла Никольскаго описывается подробно походъ Никона въ Соловки — за мощами Филиппа митр.

(Купецъ Кожевниковъ пожертвовалъ въ 1812 году на раку Филиппа митрополита 50000 р.. Свид. объ монастыряхъ. А. Раишинъ).

(18) Полн. Собр. Законовъ 29 Дкбр. 1655—именной указъ М. Л. Плещееву.

(19) Л. Сахаровъ. Описаніе Спасо Евфиміева монаст. въ Суздалѣ.

(20) Арх. мин. юстиц. дѣла молод. лѣтъ кн. 51 № 13 лл. 6—236
„ стар. лѣтъ кн. 2 „ 53 лл. 463—483

Помѣстья и вотчины кн. Ив. Никит. Хованскаго (1658):

Помѣстья: въ Переславск. уѣздѣ, погостъ Воскресенской, бывшее помѣстье боярина Алексѣя Юрьевича Сицкаго 288 четей; въ Ростовск. у. дер. Микитинская 595 ч.; въ Луховск. у. дер. Малое Помогалово 214 ч.; въ Московск. у. село ЛЕВОНОВО 60 ч.; дер. Колунтаево 50 ч.; въ Новоторжск. у. сельцо Насырево 375 ч. всего 1582 чети.

Вотчины: Подаренныя кн. Дм. Мих. Пожарскимъ: въ Ростовск. у. село Ильинское 181 ч.; въ Суздальск. у. село Якимово 201 ч.; село Пестяково 151 ч.; починокъ Андрейково — 90 ч., въ Моск. у. дер. **Казѣево** (не была справлена до 1670 г.) 25 ч.; Приданыя отъ Салтыковыхъ: въ Костромск. у. село Зокзино 144 ч.; село Селище 164 ч.; въ Володим. у. 492 ч.; Отказанная старицей Мароой въ Волод. у. с. Ельцыно 800 ч.; родовая общая съ Андр. Андр. Хов. дер. Безденежье ($150 \times 1/2$) 75 ч. всего 2323 чети.

Одно прожиточное вдовье помѣстье (сельцо Насырево) перешло къ кн. Ив. Н. Хов. повидимому неправильно; въ отказной книгѣ Иванъ Никитичъ Хов. названъ сыномъ Кнг. Натальи Хованск., вдовы Никиты Ивановича Хованскаго, его троюроднаго брата.

(21) Арх. мин. юст. Моск. столб. 195 л. 25 (жалов. Ив. Ник. Х. въ 165—1658).

Для опредѣленія отношенія рубля того времени къ современному пользуемся таблицей изъ книги Ключевскаго „Рубль“ изд. 1882.
Рубль 1500 г. стоилъ не менѣе 100 нынѣшнихъ (1882); 1550 г. = = 63—83;
1550—1600 г. = 60—74; 1601—1612 = 12; 1613—1636 = 14; 1651—1700 = 17;
1701—1725 = 9; 1730—1740 = 10; 1741—1750 = 9;

Рожковъ „Сельск. Хоз. Моск. Руси“: рубль второй половины XVI ст. равенъ кругл. счетомъ 24—25 нынѣшнихъ.

(22) Костомаровъ т. 19.

(23) Акты Археограф. Экспед. т. IV. Челобитье царю 1649 г.

(24) Полное Собр. Зак. ч. I. Владѣнная память Греческ. Никольск.

монаст. 1667 (Крестовская каменная часовня стояла уже въ 1680 г. (д. 22 Сент.).)

(25) Полн. Собр. Зак. 1686.

(26) Арх. мин. юст. Переписн. кн. 9809 лл. 320—321
9813 „ 218—219
9815 „ 731—732
Межевая кн. № 701

(27) Выходы царей Строева — „2 Іюля 1633 ходилъ государь къ празднику Ризположенья и былъ столъ у патріарха“ (2 Іюля 1637 выхода не было).

(28) Забѣлинъ. Исторія Москвы. ч. I.

(29) В. и Г. Холмогоровы. Истор. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI и XVII стол. Леоново, Медвѣдково, Ерденево, Останкино, Ростокино въ Радонежск. десят., а Свиблово въ Селецкой десят. У Холмогоровыхъ Церковь въ Леоновѣ названа „Рождества Пр. Богородицы“; т. к. кн. Вас. Петр. Хов. свою новую каменную церк. въ 1722 просилъ освятить во имя этого престола. Неизвѣстно когда она была переименована по прежнему; но въ 1762 году она называется Ризположенской (Арх. м. ю.).

(30) Арх. м. ю. Въ 1647 г. упоминается одинъ старшій Иванъ, а потому можно думать, что Петръ еще не родился.

(31) Нѣкоторое затрудненіе представило намъ отличить сыновей Ивана Никит. Хов.—Ив. Ив. Хов., называемаго нами „большимъ“ и Петра Ив. Хов., наз. „меньшимъ“ — отъ сыновей Ив. Андр. Хов. Тараруя—Петр. Ив. Хов., иногда офиціально называвшагося „Большимъ“ и Ив. Ив. Хов., одновременно состоявшихъ на службѣ и при дворѣ. Путали ихъ даже въ то время. Напр. въ 1675 г. не могли доискаться, съ какого Петра Ив. Х. недополучено по полтинѣ со двора въ монаст. разрядъ: съ того ли, котор. въ 1671 г. назначенъ былъ въ стольникахъ чиновныхъ въ Тамбовъ или съ другого. (Арх. м. юст. М. ст. 485 лл. 546—7).

Надо было просмотрѣть въ Архивѣ всѣ столбцы про Хованскихъ, чтобы установить опредѣленное мнѣніе.

Петръ Ив. Хованскій Большой

служилъ въ	стольникахъ съ	1656 г.	(Арх. м. ю. М. ст.	522 л. 936)
-d-	„ на Дону	1674	„	440 л. 502
„	„ въ Псковѣ	1676	„	484 „ 1177
„	бояринъ	1677	„	522 „ 486
„	сл. въ Бѣлгор. п.	1679	„	580 „ 317
„ (?) „	„ Новгор. п.	1670	„	
„ (?) „	„ Кіевѣ	1696		
„	сосланъ изъ Саввинск. м. въ деревню	1682	„	645 „ 156-7
	разрѣшено выѣхать изъ Суздальск. дер.	1683—15 Мр.	„	643 „ 528
„	Найденъ ларецъ съ письмами его отца Ив. Андр. и брата Андрея	1682	„	639 „ 107

(См. Частн. переписку Петра Ив. Хов., разобр. Г. Г. Лукьяновымъ изд. 1906 г.)

Ив. Ив. Хов. меньшой служилъ въ стольникахъ съ 1676 г. 1031 л. 569
„ ссылается на Лену 1682 645 „ 45
„ дневуетъ и ночуетъ при гробѣ Іоанна въ 4-й д. 1696 (Дв. Р.).

(32) Замысловскій „Царствованіе Өедора Іоанновича“.

(33) Мѣры предосторожности при болѣзняхъ придворныхъ принимались и въ то время: „Въ 1673 г Петръ Ив. Хов. (меньш.) за государемъ ѣхать не посмѣлъ, т. к. у его человѣка со двора умеръ сынъ младенецъ Иванъ и погребенъ въ церкви Введенія Пр. Богор. на Лубянкѣ (А. м. ю. Моск. ст. 645 л. 45).

(34) Ив. Ив. Хов. (большой) назначенъ въ спальники къ Іоанну (1682) (Арх. м. ю. Моск. ст. . . . . 623 л. 735)
Ив. Ив. Хов. боленъ грыжей, въ походъ не ѣздитъ (1675) (Арх. м. ю. Моск. ст.). . . . . 506 „ 22

Ив. Ив. Хов. и Петръ Ив. меньш. пожалов. въ бояре (1682 24 Іюля) (Арх. м. ю. Моск. ст. . . . . . . 674 „ 843
Петру Ив. Хов. меньш. жал. боярства говор. Хитрово (1682 Іюля 8) (Арх. м. ю. Моск. ст. . . . . 625 „ 168
Приказъ Петру Ив. Хов. отдать за пристава (1682 Сент. 21) (Арх. м. ю. Моск. ст.. . . . . 639 „ 100—1
Ив. Ив. Хов. (больш.) Петръ Ив. Хов. (меньш.) и Өедор. Сем. Хов. отысканы и отправл. въ деревню (1682 Окт. 4) (Арх. м. ю. М. ст. . . . . . . 645 „ 44
Ив. Ив. Хов. разрѣшено быть къ Москвѣ (1688) (Арх. м. ю. Моск. ст.). . . . . 698 „ 87

(35) У Петра Ив. Хов. (меньшого) было четыре дочери Анастасья. Прасковья, Аграфена и Анна (П. Долгорукій) и три сына Алексѣй, Андрей и Василій (Арх. м. ю.) Дѣти Василія: Александръ, Петръ, Юрій, Михаилъ, Николай, Алексѣй, Василій, Наталья, Анна, Марья У Алексѣя—дочь Авдотья. У Андрея—Никита и Марья.

Какъ у П. Долгорукаго, такъ и у Петрова „Исторія родовъ, Русск. Дв.“ Василій невѣрно показанъ сыномъ Петра Ив. Большого внукомъ Тараруя.

(36) Мих. Льв. Плещеевъ могъ быть разстроенъ и потому, что у него недавно — 11 Іюня 1675 (Дв. Р.)—сгорѣлъ дворъ въ Китаѣ городѣ.

(37) Царь Алексѣй выѣхалъ 24 Мая 1675 на Воробьеву гору на дачу (И. Забѣлинъ. Кунцево „Сѣтунск. станъ“).
„ правилъ панихиды 12 Іюля 1675 въ Арханг. соборѣ. (Строевъ. Выходы царей).
„ 29 Авг. 1675 выѣхали изъ Воробьева въ Коломенское. (Строевъ. Выходы царей).
„ жилъ до заговѣнокъ (14 Нбр.) въ разныхъ селахъ по Троицк. дорогѣ (Барсуковъ. Родъ гр. Шереметевыхъ).

Разрядн. подъячіе дѣлились: на старыхъ, средней статьи и молодыхъ. За поддѣлку подъ дьячую руку отрубали лѣвую руку и ногу (Дв. Р. 1675).

(38) Едва ли Никита Зотовъ осмѣлился глумиться надъ бояриномъ Хованскимъ, еслибы, какъ нужно думать, пиръ въ Преображенскомъ не происходилъ въ присутствіи самого царя. (авт.)

— Кукуй, ручей вытекавшій изъ нѣмецкой слободы и впадавшей въ Красный прудъ (Устряловъ П. В.).

(39) Г. Есиповъ. „Раскольничьи дѣла въ XVIII столѣтіи“. А также Соловьевъ.

(40) Ив. Фед. Погожевъ былъ воеводой въ Туринскѣ въ 1680 г. (Замысловскій Ө. I.).

(41) Серчевскій Евг. „Записки о родѣ кн. Голицыныхъ“.

(42) С. А. Бѣлокуровъ и А. Н. Зерцаловъ. О нѣмецкихъ шк. въ Москвѣ 1701—1715 Чт. И. и Д. Р. 1907.

(43) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, ч. II.

(44) Арх. м. ю. кн. 51 № 13 Копія съ табели о раздѣлѣ.

Капиталъ кн. Вас. Петр. Хованскаго, который исчислялся при выдѣлѣ старшаго сына Александра въ 1750. (Первая цифра доходъ, вторая—капиталъ).

Дохода съ виннаго завода въ Симбирск. у. 11550 р.; капиталъ = 115500 р. Съ Архунова въ Переславск. у. 900 р. капит. = 9000 р. Съ Епифановской 800 р. кап. 8000 р. Съ Безденежья въ Волоколамск. у. 300 капит. 3000. **Съ Левонова и деревни Казѣево доходъ 200 р. капиталъ 7000 р.** Съ загородныхъ дворовъ — въ Напрудномъ и за Калужск. воротами дох. 50 р. капит. 1200. Съ мастеровыхъ 80 р. капит. 800 р. Съ Колунтаева 50 р. капит. 500 р. Съ Симбирскихъ вотчинъ за припасы — 300 р. капит. 3000 р. Съ дому петербургскаго 500 р. капит. 5000 р. Съ мызы 60 р. капит. 600 р. Итого доходу 14700 р. капиталъ 153600 р. Прибавляется: Лошадей заводскихъ и полевыхъ 200 по 20 р. 4000 р. Скота 200 по 2 р. 400 р. Движимаго имущ. 2000 р. Московскій домъ (на Срѣтенской улицѣ въ приходѣ ц. Введенія Бож. Матери) 8000 р., всего капитальной суммы 168000 р. (при переводѣ на современный (1882) рубль слѣдуетъ каждую сумму помножить на 10).

Здѣсь мы встрѣчаемъ первую оцѣнку **Леонова** сдѣланную въ видѣ исключенія не изъ обычной 10% капитализаціи дохода, а гораздо ниже, приблизительно изъ 3% (Считая 63 души по 30 р.=1890 р., слѣдовательно земля Леонова 165 дес. цѣнится въ 5000 р. или 50000 современныхъ т.-е. 300 р. за десятину).

Крѣпостные князя Василія распредѣлялись по слѣд. уѣздамъ: **Леоново съ Казѣевымъ** 63 д.; въ Суздальскомъ у. 2281 д.; Переслав. Залѣсск. 576 д. Симбирск. у 1319 д; Епифанск. у. 351 д.; Ряжск. 4; Волоколамск. 112 Коперск. 24; Володим. у., всего 4742 души.

Въ Апр. 1722, повидимому, на расплату съ долг. по постр. церкви въ Леоновѣ, кн. Василій продалъ въ Волод. у. 499 чети за 2366 р. (748 дес. 20294 р. т.-е. по 30 р. за дес.).

(45) Записки Юста Юля 1710 г.:

„Какъ самъ Шафировъ, такъ и дѣти похожи на жидовъ. Предки его были евреями: По нѣмецки говоритъ превосходно".

Въ 1725 г. Екатерина поручила Шафирову сочинить исторію Петра.

(46) Приводимъ для примѣра описаніе перваго двора въ Казѣевѣ (Арх. м. ю.).

Мужъ 65 л., жена 70 л.; дѣти: мужъ 37 л., жена 40 л.; дѣти: 10. 9. 6. 3.
дѣти: „ 35 „ „ 30 „ „ : 10. 8.
сынъ холостой 18 л.

Скотина: 4 лошади, 3 коровы, 2 телицы, 1 быкъ, 2 теленка, 10 овецъ, 15 куръ. Хлѣба бываетъ въ годъ ржи 3 четверти, яров. 3 четверти.

(47) 10% пошлина была установлена (1714) съ цѣлью помѣшать продажѣ недвижимости.

(48) Головщиковъ „П. Г. Демидовъ" и „Родъ дворянъ Демидовыхъ".

В. Г. Щегловъ „Демидовскій Юридическій лицей".

Пожертвованія Демидова состояли изъ двухъ имѣній съ 3570 душами, считая по 350 р. асс. = 1.349.000; деньгами 400.000; коллекц 300.000. За что онъ получилъ даже Владимира первой степени.

Послѣ его смерти, кромѣ родов. имущ., у него осталось Леоново; домъ въ Москвѣ Басманн. ч. 1 кварт. № 61 и 160.000 р. асс. (Бум. Губ. Пр.). Стихотвореніе проф. Яр. лицея Ханенко на смерть его заканчивалось такъ:

„Стяжавъ сокровища, какъ вѣрный Божій рабъ
Таланта не сокрылъ, отдалъ его сторицей
Для пользы общія, отечества для благъ
Твоею взысканы, ущедрены десницей;
Москва, Тобольскъ и Ярославль
И Кіевъ Харьковъ одаренны!

(49) 44 души крестьянъ Казѣева, считая по 350 р. асс. могли стоить 15500 р.; такъ что стоимость одного Леонова была 104500 р. или 800 р. за десятину.

Казѣево оставалось во владѣніе Пономарева; а отъ его дочери, баронессы фонъ Дризенъ, въ 1862 году, выкуплено правительствомъ. (166 дес. за 7466 р. 67 к.; изъ коихъ, въ 1900 году, было продано: только $4^1/_2$ дес. Ярославск. дорогѣ за 9023 р. 75).

Связь Казѣева съ Леоновымъ, при общихъ владѣльцахъ, продолжалась съ 1620 по 1825 годъ = 205 лѣтъ.

У Холмогоровыхъ ошибочно указано объ существов. въ Казѣевѣ, въ 17 м. стол., церкви; такъ какъ описаніе его спутано съ другимъ Кузяевымъ, приселкомъ Бѣлаго Раста, Казѣево было дано кн. Пожарскимъ, кн. Хованскому въ 1620 г., но оформлено лишь въ 1670 г.

(50) Кожевниковъ внесъ въ церковь, за срубленный лѣсъ (5 дес. въ Свибловѣ и 22 дес. въ Леоновѣ) 7000 р. Причтъ на двѣ церкви былъ общій съ 1859 года, а потому капиталъ остался нераздѣленнымъ. (Сообщено настоятелемъ церкви, свящ. Іоакимомъ Васильевичемъ Смирновымъ).

(51) Списокъ населенн. мѣстъ Росс. Имперіи Спб. 1862.

(52) Владѣльцы Леонова въ 1908 г.: Александра Григорьевна Епишкина 44 д.; Александръ Арсеньевичъ Капустинъ 26 д.; Владимиръ Арсеньевичъ Капустинъ 35 д.; Николай Арсеньевичъ Капустинъ 29 д. Церковнослужители Ризполож. ц. 26 д.; Владимиръ Владимировичъ Ферманъ 8 д.

(53) Свѣдѣнія объ Свибловѣ и Ерденевѣ взяты изъ Моск. Архива мин. юстиц. дѣла стар. л. кн. 49 № 24 лл. 702—709; кн. 37 № 6 лл. 66—89; дѣла молод. л. кн. 74 № 30 лл. 2—15; отказная № 24 лл. 301—303.

См. въ приложеніи подробно напечатанную межевую опись 1623—4 г. взятую изъ архива.

Площадь Свиблова съ пустошами въ 1622/3 г., считая по ген. меж., равн. 845 дес.

(54) Полн. Собр. Зак., ч. I 1649 Мѣстнич. М. Л. Плещеева.

(55) -"- 1682 Боярство -"-

Сохранилось описаніе Свибловской усадьбы того времени (1700) по разсказу мельника сдѣланному въ 1720 г.:

Въ селѣ возвышалась дерев. церковь (построенная въ 1677 г. Мих. Львов. съ новымъ придѣломъ Алексѣя митр., повидимому въ память царя, которому онъ прослужилъ 31 г. и который относился къ нему всегда кротко и снисходительно) съ двумя старинными колоколами. На барскомъ дворѣ, огороженномъ заборомъ въ столбахъ съ воротами о трехъ затворахъ, стояли деревянные хоромы, крытые тесомъ съ шестью горницами, подъ которыми шли подклѣти, а наверху чердаки съ сѣнями и чуланами. Въ сторонѣ на взрубѣ стояла мыльня, отхожая скатертная горница, два сосновыхъ погреба: одинъ сухой, другой ледникъ съ напогребецей; далѣе: конюшня со стойлами, изба приворотная, сѣнникъ и все крыто дранью. Къ одной сторонѣ барскаго двора примыкалъ разбитый на полудесятинѣ и огороженный стоячимъ еловымъ тыномъ садъ съ яблонями, грушами, вишнями и всякой смородиной; отъ другой стороны шелъ рядъ хлѣбныхъ амбаровъ съ выгребными закромами. Виднѣлись избы съ отдѣльными дворами: прикащика, старосты и людская. На другомъ берегу Яузы, вдали отъ усадьбы, стоялъ скотный дворъ, окруженный хозяйственными постройками, какъ то: скотной избой, погребомъ, рубленнымъ омшенникомъ, тремя сараями, огуменникомъ, двумя овинами, мякинницей, избами людскими. На дворѣ стояло коровъ, да подтелковъ 20 скотинъ, 20 старыхъ овецъ, 4 гусыни, гусь, два гнѣзда старыхъ индѣекъ, три гнѣзда утокъ. На Яузѣ была плотина, на ней мельница, въ которой и жилъ самъ разсказщикъ мельникъ, когда еще былъ живъ Семенъ Ѳедоровичъ Плещеевъ.

Въ 1905 году церковь въ Свибловѣ художественно отдѣлана на средства дачницы Агрипины Лаврентьевны Кузьминой.

(57) Владѣльцы Свиблова послѣ 1720 г.:

Солдатъ Семенъ Ив. Плещеевъ (1728); Марья Семеновна Плещеева (1745), вышедшая замужъ за кн. Петра Як. Голицына. Генералъ майорша Высотская (1782), по купчей отъ вдовы кн. Голицыной. Николай Петровичъ Высотскій (1806) по дарственной отъ жены. Первостатейные купцы Кожевниковъ, Квасниковъ и Шошинъ (1821) по купчей за 240.000 руб. ассигн. (за 450 десят. не считая церковной). Кожевниковъ выкупилъ (1823) у своихъ компаніоновъ ихъ часта, заплативъ каждому по 85.000 р., т.-е. оцѣнивъ все Свибловъ въ 290.000 р. Отъ конкурсн. управл. по дѣламъ мануфактуръ совѣтника Кожевникова, одно Свиблово перешло къ Бакшѣ Кирилловичу Халатову (1867) (около 172 дес. за 42500 р.); а Лысцово, т.-е. Лихоборская дача, находившаяся въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи съ Свибловомъ 147 лѣтъ (около 280 дес). перешла къ нѣкоему Шрадеру, и отъ него замѣчательно умному человѣку, фабриканту Федору Николаевичу Кузнецову, который провелъ отличныя шоссейныя дороги, обсадивъ ихъ, по заграничному, деревьями. Въ настоящее время Свибловымъ владѣетъ Георгій Борисовичъ Халатовъ по дарственной отъ отца (1874), а Лысцовымъ (т.-е. Лихоборской дачей) владѣетъ Т-во С. Моргуновъ и П. Сусоколовъ.

(58) Кунцево и древн. сѣтунск. станъ И. Забѣлина М. 1873 (стр. 208) (Карамзинъ въ Свибловѣ).

(59) **Арх. м. ю. дѣла молод. л. кн. 37 л.л. 1—66 (Медвѣдково).**
Отказн. № 9. (Медвѣдково).

Вас. Вас. Голицынъ род. 1633 ум. 1713. У Холмогоровыхъ — подробно напечатано описаніе усадьбы Медвѣдкова въ годъ паденія кн. Голицына (1789).

Древнія царскія врата изъ Медвѣдковск. церкви, по словамъ

Снегирева, взяты во дворецъ вел. кн. Сергѣя Александр. въ Спб. Въ церкви имѣется древнее евангеліе съ миніатюрами. Софьи.

Подробный перечень владѣльцевъ села Медвѣдкова: Д. М. Пожарскій, Петръ и Ив. Дм. Пожарскіе (1646). Вдова кн. Ивана Праск. Мих. (1669) Юр. Ив. Пож., послѣдній изъ рода (1682). Его вдова (1687). Кн. Вас. Вас. Голицынъ (1687—1689) Ѳедоръ Кирилл. Нарышкинъ, дядя Петра В. (1691) Левъ Кирилл. Нар., раздѣлившій свое состояніе въ 40000 душъ между дѣтьми. Аграфена Львовна Нар. (1705) вышедш. замужъ за Алексѣя Мих. Черкасск. Ея братья Александръ и Ив. Льв. (1710) Нар. По раздѣлу ихъ Ив. Львов. Нар. (1732). Его вдова Елена Александр. (1768) Левъ Александр. Нар. (1768) продавшій всю вотчину въ 2051 дес. Карлу Яковл. Шмиту (1809). Шмитъ продалъ (13 Дкбр.) все имѣніе съ 203 душами крѣпостныхъ въ общее владѣніе двухъ лицъ; надв. с. Александра Родіон. Сунгурова и двор. Никол. Мих. Гусятникова за 146.000 р. ассиг. Въ 1842 г. у обоихъ владѣльцевъ оставалось 1600 дес.; въ это время они раздѣлились: Елена Як. Сунгуровой (вд. съ 1830) досталось Медвѣдково, Сабурово, половина Юрлова, всего 122 крѣпостныхъ. А Гусятниковъ получилъ Филино (7 душъ) Раево (96 д.) и половину Юрлово (14 д.) а всего 117 душъ и кромѣ того каждый получилъ пустоши въ разн. мѣстахъ. Гусятниковъ продалъ (1842) свою часть около 795 дес. кол. сов. Ивану Ник. Иванову за 23000 р., отъ котораго (по наслѣдству) имѣніе перешло (1860) его сестрѣ Александрѣ Никол. Рихтеръ и затѣмъ Николаю Федоровичу Рихтеръ за выдѣломъ земли крестьянамъ въ настоящее время въ имѣніи осталосьоколо 300 дес., да въ пустошахъ 175 дес. Другая половина Нарышкинской вотчины (Медвѣдково, Сабурово и пол. Юрлова) отъ Сунгуровой досталась по наслѣдству (1851), ея внучкѣ Натальи Вас. Бланкъ (около 825 д.). За выдѣломъ земли крестьянамъ остальныя 475 дес. проданы (1884) московской мѣщанкѣ Татьянѣ Купріяновнѣ Капыриной за 60000 р. Отъ нея по наслѣдству перешло къ Николаю Михайловичу Шерупенкову (1887). Часть земли 175 дес., въ пустоши Парфенковой, Шерупенковъ продалъ владѣльцу Вѣшекъ—Константину Владимиров. Третьякову за 18000 р.

(60) Записки Екатерины Второй.

(61) Снегиревъ—Путеводитель къ Троицкой лаврѣ.

(62) Ростокино въ писц. кн. изд. Русск. И. Г. О. Моск. у.

О поборахъ монастырей см. тамъ же сельцо Петровское, стр. 63.

(63) Сокольники (602 дес.) были проданы городу (1879) (при большихъ личныхъ хлопотахъ городскаго головы Сергѣя Михайловича Третьякова) вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, въ знакъ Монаршаго вниманія къ ходатайству Московской Городской Думѣ, всего лишь за 300.000 руб., такъ какъ въ продажную цѣну не была включена стоимость растущаго лѣса, имѣвшаго значеніе парка.

(64) Гр. Петръ Борис. Шереметевъ (сынъ фельдмарш. Бориса Петр. получ. графск. дост. въ 1706) взялъ за кн. Черкасской въ приданое 70000 душъ (см. Побѣдоносцевъ К. Г. П.), такъ что у его внука сосредоточилось 146.000 д. кр. (Пыляевъ Ст. Москва). Состояніе его внука, Дмитрія Никол. Шереметева, (1871) принимая современную оцѣнку земли, выразилось бы приблизительно въ слѣдующ. разм.: 390000 дес. земли, 39 мил.; домъ въ Спб. 1 мил.; 2223 саж. въ Черкасск. пер. $2^1/_4$ м.; 666 дес. Кускова $6^1/_2$ м.; 6300 саж. 3 на Воздвиженкѣ 2 м.; 846 дес. Марьиной и Останкина $6^1/_2$ м.; выкупн. плат. 4 м. разн. 2 м., а всего около $63^1/_4$ мил.

(65) Межа села Ростокина взята изъ документа Арх. м. юст., который называется „подлинная приправочная 7079 и 7082 (1571 — 1574)“. Но очевидно указанные года невѣрны, такъ какъ при описаніи упоминается царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, т.-е. не ранѣе 1584 г.

(66) Приводимъ цѣны на Леоново.

1746—1756=5110 р. за 165 дес. т.-е. 31 р. за дес. (300 р. соврем.)
1767=9200 „ вычитая за 44 души по 30 р. 1320=за 165 д. 7880 р. т.-е. 48 р. „ (480).
1822=120.000 р., вычитая за 44 д. по 350 р. 15400 р. за 139 д. 104.600 р. т.-е. 752 р. асс.
1825 30000 р. за 139 дес. т.-е. 216 р.
1867 20025 р. за 139 дес. т.-е. 145 р. серебромъ.

Свиблово	1821 г.	450 дес.	240.000 асс.	за десят.	533 р. асс.
	1823 „	450 „	290.000 „	„	644 „ „
Ерденево	1737 „	362 „	5.000	т.-е. 14 р.	(140 р.)
Медвѣд.	1809 „	2051 „	146.000 р. асс.		71 р. асс.



Фотог. П. Павлов

Григорій Алексѣевичъ Красногоровъ и Александра Григорьевна Епишкина въ кругу своей семьи.

(Съ группы 1892 г.)

Снегирева, взяты во дворецъ вел. кн. Сергѣя Александр. въ Спб. Въ церкви имѣется древнее евангеліе съ миніатюрами. Софьи.

Подробный перечень владѣльцевъ села Медвѣдкова: Д. М. Пожарскій, Петръ и Ив. Дм. Пожарскіе (1646). Вдова кн. Ивана Праск. Мих. (1669) Юр. Ив. Пож., послѣдній изъ рода (1682). Его вдова (1687). Кн. Вас, Вас. Голицынъ (1687—1689) Өедоръ Кирилл. Нарышкинъ, дядя Петра В. (1691) Левъ Кирилл. Нар., раздѣлившій свое состояніе въ 40000 душъ между дѣтьми. Аграфена Львовна Нар. (1705) вышедш. замужъ за Алексѣя Мих. Черкасск. Ея братья Александръ и Ив. Льв. (1710) Нар. По раздѣлу ихъ Ив. Львов. Нар. (1732). Его вдова Елена Александр. (1758) Левъ Александр. Нар. (1768) продавшій всю вотчину въ 2051 дес. Карлу Яковл. Шмиту (1809). Шмитъ продалъ (15 Декр.) все имѣніе съ 203 душами крѣпостныхъ въ общее владѣніе двухъ лицъ; надв. с. Александра Родіон. Сунгурова и двор. Никол. Мих. Гусятникова за 146.000 р. ассиг. Въ 1842 г. у обоихъ владѣльцевъ оставалось 1600 дес.; въ это время они раздѣлились: Елена Як. Сунгуровой (вд. съ 1830) досталось Медвѣдково, Сабурово, половина Юрлова, всего 122 крѣпостныхъ. А Гусятниковъ получилъ Филино (7 душъ) Раево (96 д.) и половину Юрлово (14 д.) а всего 117 душъ и кромѣ того каждый получилъ пустоши въ разн. мѣстахъ. Гусятниковъ продалъ (1842) свою часть около 795 дес. кол. сов. Ивану Ник. Иванову за 23000 р., отъ котораго (по наслѣдству) имѣніе перешло (1860) его сестрѣ Александрѣ Никол. Рихтеръ и затѣмъ Николаю Федоровичу Рихтеръ за выдѣломъ земли крестьянамъ въ настоящее время въ имѣніи осталосьоколо 300 дес., да въ пустошахъ 175 дес. Другая половина Нарышкинской вотчины (Медвѣдково, Сабурово и пол. Юрлова) отъ Сунгуровой досталась по наслѣдству (1851), ея внучкѣ Натальи Вас. Бланкъ (около 825 д.). За выдѣломъ земли крестьянамъ остальныя 475 дес. проданы (1884) московской мѣщанкѣ Татьянѣ Купріяновнѣ Капыриной за 60000 р. Отъ нея по наслѣдству перешло къ Николаю Михайловичу Шерупенкову (1887). Часть земли 175 дес., въ пустоши Парфенковой, Шерупенковъ продалъ владѣльцу Вѣшекъ— Константину Владимиров. Третьякову за 18000 р.

(60) Записки Екатерины Второй.

(61) Снегиревъ—Путеводитель къ Троицкой лаврѣ.

(62) Ростокино въ писц. книг. изд. Русск. И. Г. О. Моск. у.

(63) О бобыляхъ монастырей см. такъ же села Богородское, стр. 63.

(63) Сокольники (602 дес.) были проданы городу (1879) (при большихъ личныхъ хлопотахъ городского головы Сергѣя Михайловича Третьякова) вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, въ знакъ Монаршаго вниманія къ ходатайству Московской Городской Думѣ, всего лишь за 300.000 руб., такъ какъ въ продажную цѣну не была включена стоимость растущаго лѣса, имѣвшаго значеніе парка.

(64) Гр. Петръ Борис. Шереметевъ (сынъ фельдмарш. Бориса Шерем. получ. графск. дост. въ 1706) взялъ за кн. Черкасской въ приданое 70000 душъ (см. Побѣдоносцевъ К. П. П.), такъ что у его внука сосредоточилось 146.000 д. кр. (Пыляевъ Ст. Москва). Состояніе его внука, Дмитрія Никол. Шереметева, (1872) принимая современную оцѣнку земли, выразилось бы приблизительно въ слѣдующ. разм.: 390000 дес. земли, 39 мил.; домъ въ Спб. 1 мил., 2214 саж, въ Черкасск. пер. $2^1/_4$ м.; 666 дес. Кускова $6^1/_2$ м., 6300 саж. 5 на Воздвиженкѣ 2 м.; 846 дес. Марьиной и Останкина $6^1/_2$ м., движим. имущ. 4 м. разн. 2 м., а всего около $63^1/_4$ мил.

(65) Межа села Ростокина взята изъ документа Арх. м. юст., который называется „подлинная приправочная 7079 и 7082 (1571 — 1574)". Но очевидно указанные года невѣрны, такъ какъ при описаніи упоминается царь Өеодоръ Іоанновичъ, т.-е. не ранѣе 1584 г.

(66) Приводимъ цѣны на Леоново.

1746—1756=5110 р. за 165 дес. т.-е. 31 р. за дес. (300 р. соврем.)

1767=9200 „ вычитая за 44 души по 50 р. 1320=за 165 д. [illegible] (480).

1812=120.000 р., [illegible]

1825 30000 р. за 139 дес. т.-е. 216 р.

1867 20025 р. за 139 дес. т.-е. 145 р. серебромъ.

Свиблово	1821 г.	450 дес.	240.000 асс. за десят.	533 р. асс.	
	1823 „	450 „	290.000 „ „	644 „ „	
Ерденево	1737 „	362 „	5.000 т.-е. 14 р.	(140 р.)	
Медвѣд.	1809 „	2051 „	146.000 р. асс.	71 р. асс.	



Фотот. П. Павлова.

Григорій Алексѣевичъ Красногоровъ и Александра Григорьевна Епишкина въ кругу своей семьи.

(Съ группы 1892 г.)



Фотог. П. Павлова.

Арсеній Михайловичъ и Ольга Александровна Капустины въ кругу своей семьи.

(Съ группы 1881 г.)

19



Фотот. П. Павлова.

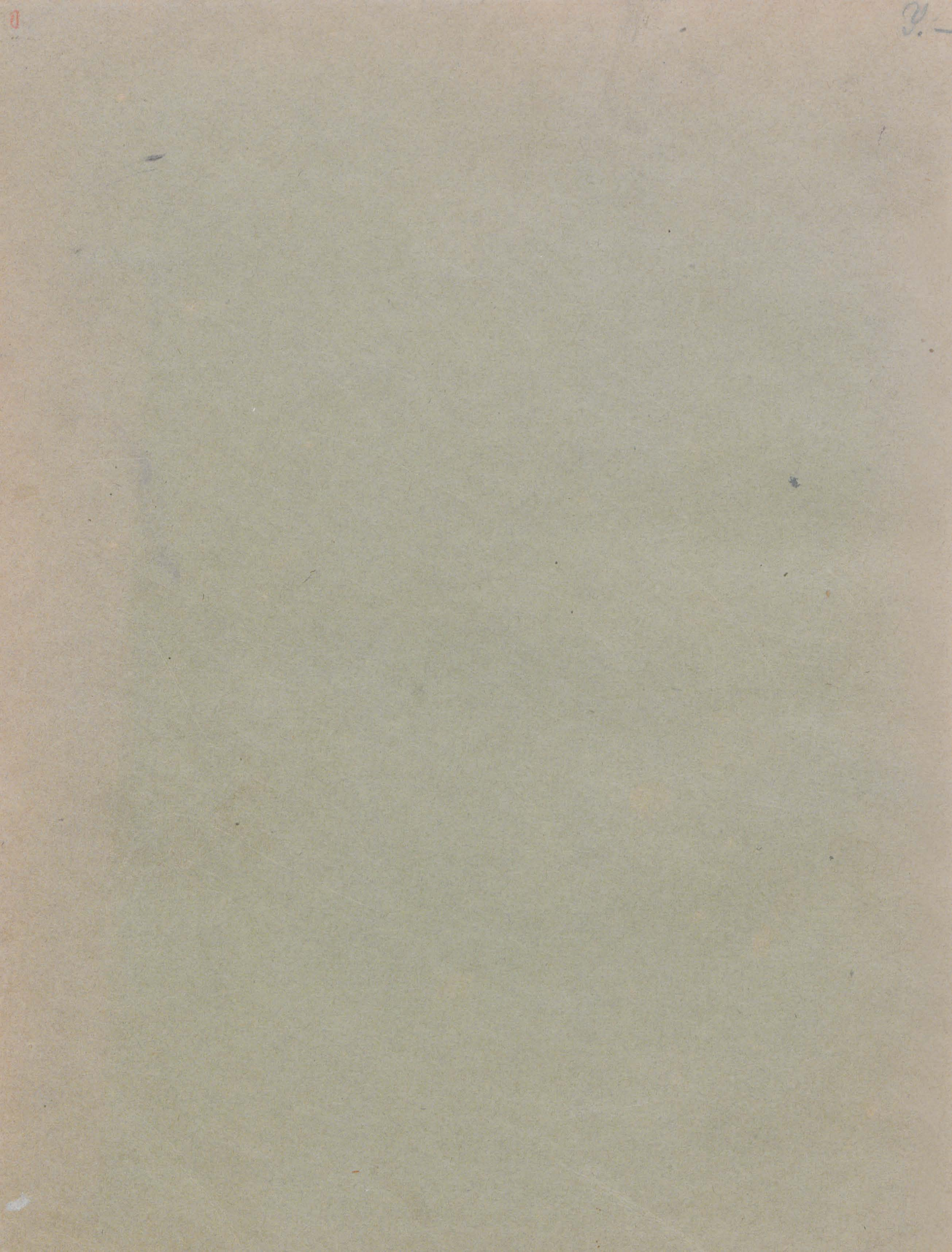
Арсеній Михайловичъ и Ольга Александровна Капустины въ кругу своей семьи.

(Съ группы 1881 г.)

12

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФОТОТИПІИ.


9.—

